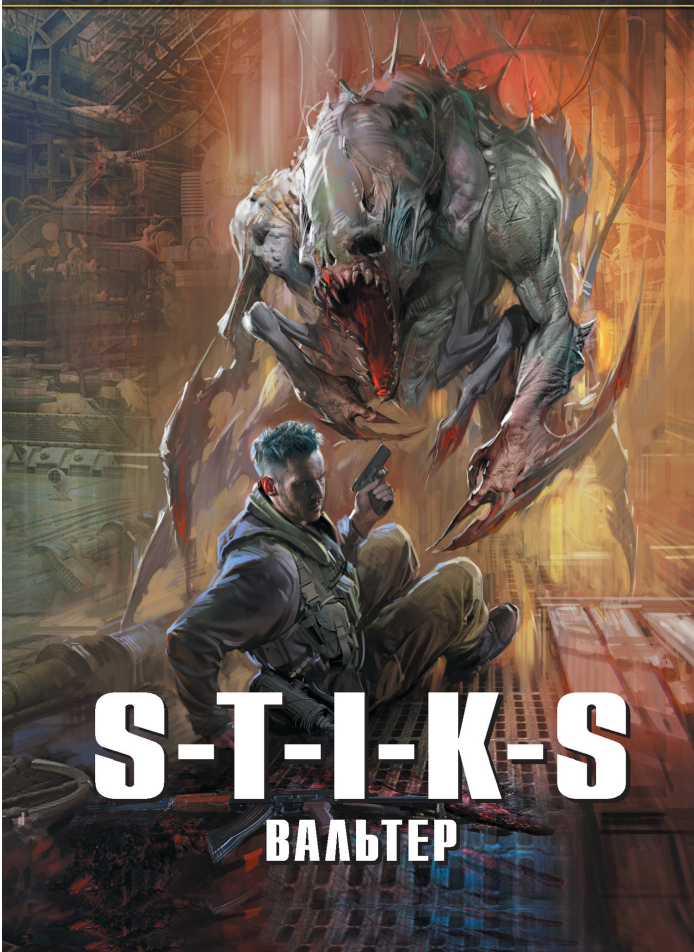

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

ДЕНИС ВЛАДИМИРОВ

S-T-I-K-S

ВАЛЬТЕР

Денис Владимиров
S-T-I-K-S. Вальтер
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Новый фантастический
боевик (ЭКСМО)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23963220
Денис Владимиров S-T-I-K-S. Вальтер:
ISBN 978-5-04-094973-1

Аннотация

Вальтер, занимающийся продажей оружия в африканские страны, неожиданно для себя оказывается в сибирском городе-миллионнике Зеленоминске, в нашей реальности не существующем. Там он встречает рейдера по кличке Цемент, который доходчиво объясняет ему, что тот находится в мире S-T-I-K-Sa. При этом новый знакомый обещает Вальтеру помочь с адаптацией в новых условиях, если тот окажет ему помощь. К счастью для себя, Вальтер быстро выясняет, кто такой Цемент на самом деле...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	44
Глава 3	71
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Денис Владимиров
S-T-I-K-S
Вальтер

© Владимиров Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Цемент

На ноль делить нельзя – аксиома из элементарной алгебры. Умножать можно. Я так и собирался сделать. Дешевый телефон, купленный накануне вместе с сим-картой, завибрировал. Чуть подрагивающим пальцем от бушующего в крови адреналина разблокировал экран: «Для подтверждения операции отправьте ответное SMS со специальным кодом: два-два-шесть-четыре-шесть». Легкое движение руки, и локальный демон Апокалипсиса вырвется из тесного брикетированного узилища на волю. Охочие до сенсаций журналисты затем напишут, со слов пресс-служб МВД, яркие статьи, пестрящие заголовками: «Взрыв бытового газа на Никольской горе», «Яркий бизнесмен вместе со своей семьей трагически ушел из жизни». А буквально через день или два все будет вытеснено другими: «Зверски убит тот-то тот-то», «В подъезде своего элитного дома...», «Новый бандитский передел в России!», «Возвращение в девяностые!». Но необходимый результат будет получен – я стану неинтересен. Может быть, где-то и промелькнет: «Пропадал без вести Валерий Львович Терентьев, заместитель погибшего главы компании «Росс-Кросс» Юрия Литвинова», а может, и нет.

Ищейки, полиция, бандитская клика без вливаний извне

быстро переключатся на свои дела, если шеф решил подстраховаться и уже объявил на меня охоту. В духе самураев – выполним последнюю волю убитого хозяина или умрем с честью, так даже суровые японцы поступали в редких случаях, что уж говорить о наших российских гражданах, представителях внутренних органов и бизнес-чиновничьей клоаки?

Мое убийство экономически нецелесообразно. Активов ноль целых хрен десятых. Светка – сука! Благоверная, но неверная жена, собственница всей движимой недвижимости и владелица всех крупных счетов. На выходе я гол как сокол.

Получилось, как в пошлой слезливой мелодраме. Муж, то есть я, проводил по семь-восемь месяцев в году в Черной Африке¹. Редкий визит домой – в Подмосковьё, затем Зеленоминск, заштатный сибирский городишко, чуть-чуть не дотягивающий до гордого звания – миллионник. И так по кругу. Светлана же, без постоянной любви и ласки, прельстилась на уговоры босса мужа и университетского друга одновременно, в результате чего родила великолепного мальчишку весом четыре с половиной кэгэ. Какой хороший сериал без дикой алчности, замешанной на циничном прагматизме? Она тоже сыграла немалую роль, учитывая, что треть всего «Росс-Кросса» была моя. Следующей гирькой на весах между жизнью и смертью стала возможность перевести на себя Литвиновым некоторые мои активы, которые совершен-

---

¹ Черная Африка – часть Африканского континента, лежащая к югу от пустыни Сахары, которая и служит разделительной чертой.

но не имели отношения к нашей компании. Мой старый добрый партнер по тем проектам посчитал выгодней работать с шефом. Сначала залез в неподъемные долги, а тут возникла возможность списать все разом.

И ведь никого не обвинишь в случившемся, кроме самого себя. До последних суматошных дней лет шесть все шло по накатанной колее – вот и расслабился. Схемы все проработаны, люди проверены, механизмы регулярно смазывались вечнозелеными, на какие надо счета уходили доли. Рутинка. За исключением постоянного контроля, никаких больше чрезмерных усилий не требовалось. Но это текучка, не синекура отнюдь, тем более учитывая контингент, с которым приходилось работать.

Проверенный мной не в одном деле человек отзвонился четыре часа назад и сообщил горькую весть:

– Вальтер, тебя слили! – а затем, коротко и четко, почему.

Три часа заняла перепроверка данных. Если бы был в Москве, ушло минут сорок. Часть улики оказались прямыми, часть косвенными. Но все они говорили об одном: меня действительно списали. Не менее ошеломляющая новость, что ребенок у Светки оказался не моим. Встречу Хаера – сломаю челюсть, все знал и молчал, а ведь вернее него, как я думал, у меня людей нет. Будь кто менее закален во всяких неприятностях, то, наверное, сломался – вся выстраиваемая жизнь, которую выгрызал зубами, прилагая порой невероятные усилия, оказалась иллюзией, исчезающей при более вниматель-

ном рассмотрении. Подняться с мальчишки из провинции до совладельца и заместителя компании с оборотом во много-много нулей вечноконвертируемой – да это не каждый десяти тысячный дойдет.

– Африка для тебя уже пройденный этап. Там все на мази, поэтому справится и Моргунов, – увещевал меня шеф перед этой поездкой. – Сведешь его с людьми в Зеленоминске, и пусть в этом направлении работает. Ты же начнешь осваивать Венесуэлу. Перспективы огромные, да и кураторы заинтересованы. Зреет там у них хорошая такая заваруха. Твоего Хаера – он, кстати, показал себя толково, – хочу перевести на Новосибирск и Екатеринбург. Пусть сам повернется.

Так вместо абсолютно верного и преданного бойца-телохранителя рядом со мной в Зеленоминске оказались Лютер и Моргунов, которые и должны были после завершения сделки устроить мою безвременную кончину. Я сбросил их с хвоста, оставив в гостинице. Сам под благовидным предлогом пьянки, игры в казино и окучивания распутных девок отправился на поиски приключений. Впрочем, здесь мое поведение не отличалось от обычного. Как в том анекдоте: приучи жену, что каждые выходные ты играешь с друзьями в гольф, но не трать время на такие глупости. Гольф все же экзотика, а вот банальные, но такие ясные и абсолютно стереотипные вещи доступны для понимания каждого и часто предполагаемы в отношении людей небедных и начальства.

Вот я и приучил всех, что являюсь азартным игроком,

бабником и на пробку наступить не дурак. Однако «уве­селениям», за которыми чаще скрывались дела, предпочи­тал предаваться один. Меньше глаз – больше возможностей. Сейчас будущие убийцы вполне спокойно сторожили в го­стинице «Эверест-Холл» пустой кейс, ну, не совсем пустой.

В Зеленоминске у меня тоже были некоторые заготовки на «черный день». Куплена на левый паспорт однокомнат­ная квартира в спальном районе. Правда, спальным это ме­сто можно было назвать только по застройке и рекламно­му релизу, близость местного гиганта – металлургического комбината – переводила почти элитное жилье в совершен­но другой статус. Там же на платной парковке меня дожда­лась неприметная бюджетная иномарка вместо «Гелендваге­на», деньги, оружие, документы. Подготовился основатель­но. Собственно, и остановился я на обочине по пути к месту лежки. Работали мы хоть и не в чистом криминале, но на стыке, кураторы в больших погонах таких контор и кабинетов, которые лучше даже не называть, однако... мы часто по лезвию ходили. От этого своих активов и ноль. Тот же Бут² не сам по себе работал и летал высоко, пока не сбили.

Поэтому самое оптимальное решение в моей ситуации – грохнуть шефа, пока он не дотянулся до меня. Дело это бы­ло не из легких, если бы тот не привлек меня к постройке

---

² Виктор Бут – российский предприниматель, осужденный в 2012 году на 25 лет в США, активно работал на «африканском» направлении. Власти Америки инкриминируют ему торговлю оружием и поддержку терроризма.

собственного мини-дворца на Никольской горе восемь лет назад. Денег на Рублевку у него наскрести на тот момент не получилось, а потом привык, обжился и ничего менять не захотел. Садик, огород, пчелки – чисто Лужков на даче... ему колхоз какой поднимать, свинофермой заведовать... Даже дела все решал в кабинете дома, а то и вовсе ковыряясь в цветнике. Фанфан-тюльпан³, мля!

Вроде бы все уже решил, а продолжаю накручивать себя. Трудное решение. Теплится, как у любого человека, дурацкое чувство дебильной беспричинной надежды, мол, а может, как-то по-другому все решить, может, все образуется. Вот только ничего не образуется, не в этот раз, не в этой жизни.

Так вот. На момент строительства логова Литвинова было много острых вопросов между нами, а я привык тогда ждать подянки от всех, босс ведь в эМэСКа, а я в каждой бочке затычка. Поэтому полторы тонны промышленного тола разместились в нужных местах, скрытых бетонными перекрытиями, кладкой. А подключенные к общедомовой электрической сети взрыватели, с активацией по СМС, с генерируемым кодом, ждали своего часа. Дождались... Сразу не отправить этого придурка к праотцам мне помешал только один фактор – Кирилл, которого я считал собственным сыном. До сегодняшнего дня. Как раз к папочке приехали, но собира-

---

³ Название французского фильма, бывшего популярным в России в советский период. И одновременно имя главного персонажа.

лись с часу на час куда-то срулить.

Поэтому и ждал, когда мне отзвонится свой человек. Хрен с ним, что Светка как любящая мать от возмездия уйдет. Тоже бы ее вместе с шефом туда же. Но я человек жесткий, порой жестокий, а вот мирных детей убивать, тем более несмышленных, – это за гранью добра и зла. Почему только мирных? Потому что я проживал очень долгое время в разных странах Африки и видел пятилетних и семилетних пацанят с личным кладбищем за плечами. Ржавый «калашников»⁴ их выше, держать тяжело, но они уже убивали, убивают и если их не убьют, так и будут продолжать убивать. Цена жизни для них неизвестна.

Мелодия родного гаджета последней модели, вещи насколько бесполезной, настолько в таком обвесе статусной, вырвала из размышлений. Сегодня именно брендовая электроника зачастую выполняет те же функции, как в девяностые и в нулевые золотые цепи в два пальца толщиной и болты-кастеты. Стив Джобс⁵ – гений, который умудрился в очередной раз папуасам привить любовь не к презренному металлу, а к бусам, пусть и технологичным, за новые модели которых они дрались в первые дни продаж. Но общество вырабатывает свои критерии, а я не мизантроп, чтобы идти против правил. Со своим самоваром в Тулу не ездят.

Поднес к уху и услышал заветные четыре слова:

---

⁴ В данном случае автомат Калашникова.

⁵ Бывший председатель совета директоров Apple.

– Выехали. БДСМ на месте.

Боссу нравилось его погоняло – Басмач, подозреваю, на заре карьеры сам его выбрал. Однако за патологическую любовь к коже среди окружения прилипло БДСМ. Ну что же, начнем. До встречи, Юра, гнилая ты душонка!

Несколько секунд – набор нужного номера, и с нажатием кнопки «отправить» закружилась голова. Повело так, будто от литра водки, даже головой о руль приложился. С разноцветной рябью перед глазами пришло понимание чего-то неправильного. Потряс головой, немного стало лучше. Неправильным было то, что уличные фонари, рекламные вывески, вся эта иллюминация, как и окна девяти- и шестнадцатипятиэтажных домов, погасли. Как в классике – город погрузился во тьму. Нашарил мобильник, довольно улыбнулся, когда увидел надпись «Ваше сообщение отправлено», теперь шел активный поиск сети. Опустив стекло, я, размахнувшись, швырнул ненужный уже телефон в темноту. И сразу завоняло какой-то донельзя мерзкой дрянью. Врубил фары и выругался. Лучи света едва ли на пять-десять метров пробивали густую завесу тумана или какого-то дыма.

– Мать, вашу мать! – выругался я, вырulingивая с обочины на проспект. В голове в какие-то доли секунд сложилась картина: тут до промзоны рукой подать. И какого хрена сюда понесло? Похоже, именно на металлургическом заводе что-то рвануло, да так, всему трындец настал. Вонь, ощущение кислоты на языке говорили о химическом происхождении ту-

мана. Выброс какой-то долбаный! Развернулся почти на месте, чуть не врезавшись в «Ладу Весту», отчего та взвизгнула сигналом, я пристроился следом за ней. Надо валить ближе к центру города или вообще из него. В голове же перебирал все знания о техногенных авариях и сопутствующих запахах химических веществ. Туман хоть и не становился гуще, но и не думал пропадать, и не позволял прибавить скорость выше тридцати, а вскоре я уже полз десять кмэ в час, не решаюсь обогнать ржавое детище западного автопрома – старушку «Ауди», судя по обводам, почти мою ровесницу. Сделал все правильно.

Мигая проблесковыми маячками и оглушая пронзительным спецсигналом, по второму ряду промчалась «Скорая помощь», едва не протаранив «Жигули»-«семерку», которая решила на двойной обгон. Ее водитель в последний момент с пробуксовками нырнул перед «Ауди», отчего та прилипла к обочине и остановилась, мигая аварийкой. Лихач же притопил на газ и вскоре пропал совсем в тумане. Нет, правильно я решил не соваться во второй ряд, а тащиться в первом. Сам не заметишь, как кто-нибудь влетит в зад «гелика», и вместо драпа от химии придется разбираться.

Вовремя заметив патрульную машину на обочине, я, мигнув поворотником, остановился в метре позади. Два сотрудника ДПС стояли спереди капота служебной «Нивы Шевроле». Один полицейский что-то говорил в рацию, второй хищно поглядывал на дорогу, впрочем, этим и ограничивался,

ни радара в руках, ни полосатой палки. На меня посмотрел равнодушно. Работала психология. Правила я не нарушал, машина очень дорогая, мой внешний вид ей соответствует, а преступный элемент и нарушители объедут десятой дорогой.

– Приветствую! – широко улыбнулся и помахал рукой, привлекая внимание.

– Вам чего, водитель? – недовольно поинтересовался мордастый и усатый, толстенный патрульный, нет, есть на Руси богатыри, есть! С таким пузом пройти аттестацию, которую не каждый худышка осилит... Тот как-то зло сплюнул в сторону и бросил рацию на переднее водительское сиденье патрульной машины.

– Узнать хотел, что происходит? – неопределенно обвел я рукой окружающее пространство. – Свет погас, связь не работает, что-то случилось? И главное, туман химией отдает.

– Всем все хочется, – сквозь зубы сказал гаишник, снова сплюнул в сторону, ну чисто верблюд, помолчал и добавил: – Нам в том числе. Только не докладывают.

Второй толстяк – их клонируют, что ли? – смотрел на дорогу, только поправил ремень автомата, который висел за спиной стволом вниз.

– Так я же со всем почтением. – Жестом фокусника вложил в широкую ладонь стража порядка тысячную купюру и снова улыбнулся в тридцать два.

В глазах толстяка сразу же появился интерес, он сунул руку с деньгами в карман и уже вполне дружелюбно сказал:

– Многого не скажем – сами мало что понимаем. Туман проверили – угрозы не несет. С час назад отключилось электричество по всему городу. Конечно, правительственные здания и прочее необходимое запитали от генераторов, где-то автоматика сработала. Но в целом пока мрак. К утру должны разобраться в ситуации и разобраться с этой проблемой, а пока лучше всего вам отправиться домой или в гостиницу. Приключений можно найти кучу, – кивая на московские номера моего джипа, в нескольких словах сообщил полицейский.

– Как час? Вроде вот только что? – переспросил я – был в этом непонятный момент. – Минут десять назад? Ну, пятнадцать.

– Час, даже больше. Вы, наверное, как и многие, сознание потеряли. Некоторые прямо за рулем отрубались. Из-за чего аварий по городу до жо... Много, очень много. Особенно на проспекте Победы. Он же у нас самый скоростной.

– Ясно, – даже кивнул я, показывая, что информация до меня дошла. – Второй вопрос: что за приключения? И хочу остановиться в «Эверест-Холл». Смогу до него добраться?

– Сложно, но можно, хотя лучше в другой остановитесь. Минут за двадцать до этой свистопляски прошла информация, что там взрыв какой-то был. Что за день – кругом бардак! Насчет же приключений... – вмешался в беседу молчавший до этого второй толстопуз. Поежился на прохладном ветру, затем вновь поправил ремень автомата и продол-

жил: – Многие будто с цепи сорвались, всего-то электричество исчезло. Дальше: въезд перекрыт, мы здесь за этим и стоим, чтобы разворачивать, до самого двадцать третьего дома пробка, на перекрестке авария – жуть. Я много чего видел, но такое в первый раз. Машин двадцать поучаствовали, есть жертвы. Много. Сейчас там МЧС и наши работают. Пробовали здесь регулировать, вот только меня чуть дважды не сбили. Весь в грязи – отпрыгивал неудачно, а так бы переехали. Не реагирует никто, не стрелять же в них... – Действительно, только сейчас рассмотрел, что полицейский весь в пятнах, колени мокрые. Я думал, они на службу забили, а оно вона как. – Плюнули, туман чертов еще, а многие несутся, боятся на похороны опоздать, что ли? Свои похороны! Вот ждем распоряжений. Еще одна проблема: электричества нет, а с ним и связь пропала. Но тут не только в электричестве дело. Да, сот мало, которые реально по всем требованиям оформлены на случай ЧС, но в центре города уже какие запитали, какие и без этого были оборудованы генераторами. А звонков нет и сотовой связи тоже. Проводная, но у кого она сейчас? Плюс рации, но тоже работают через раз. Кругом из всех щелей еще всякие отморозки повыла...

Сзади грохнуло, а голова толстомордого неожиданно дернулась назад, а сам он стал заваливаться как-то неуклюже вправо. Мысли еще не успели сложиться в целостную картину, а тело на вбитых рефлексах принялось действовать одновременно со вторым выстрелом. Прыжок рыбкой за капот

патрульной «Нивы Шевроле», о который зацепился ногами, проехал по асфальту на животе. Ободрал руки, но голову смог уберечь. Перекатился за машину, доставая из наплечной кобуры законного «ярыгина»⁶. Осторожно выглянул из-за заднего колеса. И как уже здесь очутился? Под днищем весь обзор загораживал труп усатого толстяка, он лежал повернувшись ко мне лицом, на месте глаза был лишь черный провал. Большого в таком освещении разглядеть не удавалось. В этот момент что-то горячее больно ткнулось мне чуть ниже затылка, и раздался спокойный голос с хрипотцой:

– Не дергайся, Вальтер. И медленно-медленно положи пистолет на землю... Ну, давай шустрее. – Незнакомец прости-мулировал деятельность, ощутимо усилив нажим на оружие.

Я разжал руку. «Ярыгин» звякнул об асфальт. Это был конец...

Приготовился к худшему, глубоко вздохнул, закрыл глаза, потом вновь открыл. А ведь не верилось, что все, конец, сейчас умру, ну вот ни капли не верилось.

– Теперь можешь без лишних движений развернуться и сесть. И не вставай! Не бойсь, яйца не успеешь отморозить, – скомандовал убийца. Свет подфарников моего автомобиля не слепил особо, но и не давал в должной мере рассмотреть убийцу. Отметил лишь, что мужчина среднего роста, крепкого телосложения и упакован будто для войны. Сначала бросилась в глаза экипировка: наколенники, налокотни-

---

⁶ Пистолет Ярыгина (ПЯ) – 9-мм пистолет российского производства.

ки, эрпээска вся в подсумках, за плечами виднелся массивный ствол какого-то оружия. Снайперка навороченная какая-то?

Мужик присел рядом со мной на корточки. Теперь стало видно. Лет сорок пять. Лицо простое, нос картошкой, глаза небольшие, темные, чуть навывкат. На смуглом обветренном лице выделялась белая линия шрама, начинающегося от бровей и теряющегося под камуфляжной банданой. Обвислые усы, как у запорожца. Губы чуть припухлые, зубы ровные, ослепительно-белые, которые тот скалил на американский манер. Еще отметил гарнитуру рации – видимо, не один.

Незнакомец смотрел на меня внимательно и улыбался. Улыбался открыто, даже, можно сказать, дружелюбно, добрый дяденька, простой колхозник, если забыть тот факт, что два представителя закона остывают сейчас в двух метрах. А в руках у мужика был «ПЯ», один в один как тот, который валялся рядом с колесом патрульной машины. То есть мой.

– Да ты не сцы, бродяга. Хотел бы завалить – завалил бы. Ферхштейн?

Я кивнул. Вот только то, что в живых он меня оставлять не собирался, – это было очевидно, как дважды два, как то, что за средой будет четверг. Стало ли страшно? Конечно! Но приходилось бывать и не в таких переделках, хоть и давненько, только поэтому не потерял способность мыслить. С другой стороны, для тех, кто не видел пулевых отверстий на раненых и трупах, как маленький кусочек свинца разрывает

плоть, дырявит одну из самых прочнейших костей человека – лобную, пистолет в руках другого не вызывает шока и трепета. Например, тот же кухонный нож в руках бандита выглядит куда страшнее. Потому что работает и генетическая память, и легко представить, что будет, если этой железкой в тебя ткнут.

Тип на моих глазах убил двоих полицейских, а свидетелей в таких делах не оставляют. Что ему нужно? Элементарно! Деньги. Почти миллион сейчас в машине. Вечнозеленых. Но он пока об этом не знает, как все выяснит... Так, лавэ себе и из ментовского укорота или «ПМа» несколько пуль в грудь – уже мне. Зачем такая сложная постанова? Картина простая и ясная: обычный московский отморозок, охреневший от бабла, – не любят у нас дорогие машины, видимо, бухал за рулем, его тормознули честные сотрудники полиции за нарушение правил дорожного движения. Маасквич взялся качать права, а потом открыл огонь на поражение. Мотивация? Почему не банальная взятка? Так мы низовую коррупцию почти победили, так что мздой дело решить не получилось. Герои же посмертно, поймав головами по пуле, случайно смогли поразить бандита на месте, где он и скончался от проникающих ранений и общей потери крови. Баллистическая экспертиза по всем правилам? Ага, ага... Не зря же усатый тип «ярыгина» на дело взял. Сча из моего еще пальнет в сторону пару раз, свои гильзы соберет, мои бросит. Посмотрят эксперты калибр – сходится, все на месте,

вот гильзы, вот пули, а лишняя возня или рвение... Ну-ну. Ее и в цивилизованных местах можно так же редко, как у нас, встретить.

– Не люблю ментов, – кивнул в сторону трупов мужик. – Наглые чрезмерно, дерзкие, пока ксивы и погоны имеют, а так – мразь хуже вашей бандитско-бизнесменской шушеры. С вами хоть все понятно – люди-дерьмо и ожидать от вас говно принято. А вот эти... Они ведь защищать должны, за это им с нашего кармана в виде налогов зарплата и прочие плюшки сыплются, а они и тут стригут, там крышуют, здесь глаза закрывают... Мерзость, а не люди. А человек, как говорил Горький, должно звучать гордо. – Я молчал, в голове лихорадочно мелькали разные мысли, сводившиеся к одному: как выпутаться из этой ситуации? На ум пока приходил только пистолет, лежащий всего в каких-то двух метрах, после того как его небрежно отпихнул в сторону убийца, но пока не успею – нашпигует. И вдруг бандит не один.

– Да не щерься ты, не щерься! – Он опять усмехнулся. – Не буду я тебя убивать, и деньги мне твои тоже не нужны! Веришь? Вижу, не до конца... Сколько там? Двести зеленою на хате, что по улице Metallургов дом шестьдесят шесть квартира тридцать два? А-а, как я мог забыть! – Он картинно приложил ствол пистолета ко лбу, оперся на него, вроде как роденовский мыслитель. – Еще лимон в гостинице «Эверест-Холл», номер, если не изменяет память, первый, люкс, код кейса – три-три-ноль-два-семь-семь. Дерьмо, а не

пароль, честно, Вальтер. Еще бы придумал один-два-три-четыре-пять-шесть или квартиры, как многие дебилы на почту ставят. Вижу на морде немой вопрос – откуда я это знаю? Расскажу, покажу и дам попробовать. Теперь понял, что, если бы цель у меня была твои бумажки, давно бы в расход пустил? Здесь они даже на сортирную бумагу не идут, формат неподходящий.

Что тогда, мать его, ему надо?! Четкая и ясная картина, которая сложилась до этого, распалась в стороны, как карточный домик под струей воздуха мощного вентилятора. Так и мысли, будто те карты вразбег, вразнос, в разные стороны. Знает, сука, прозвище! Но его до черта народа знает, еще со школьной парты... Играли в игру, складывали первые две буквы имен, отчеств и фамилий. Так что это не аргумент, но остальные... Адреса и пароли назвал точно, только в гостинице денег больше нет, они у меня в машине находятся. В бардачке. А судя по информации от мертвого патрульного о взрыве в гостинице, закладка сработала. И сработала как нужно. Видимо, только я за порог, сопровождающие в сейф сунулись, кейс открыли. Там же «Ф-1» без замедлителя и пачка журналов.

– Сигареты у тебя есть, – не спросил, а сказал утвердительно между тем отморозок. – Так что доставай яд. От него нам точно сдохнуть не суждено, а до сабантуя времени хватает. Кисляк минут через десять спадет, ну и дальше разговор продолжим. Компроне муа? Да, и мысли о всякой херне

выбрось из головы. Смотри фокус-покус.

Движения руки я даже не заметил, а пистолета в ней не было. Тот с гнусной ухмылкой произнес:

– Абра-кадабра. – И оружие вновь материализовалось в руке. Если бы я верил в магию, то только так смог бы объяснить подобные кульбиты. Тут даже не о секундах или их долях шла речь, я даже смазанного движения не замечал. Будто его и не было.

Раз! И рукоять пистолета выглядывает из тактической кобуры на бедре, два – и вновь смотрит на меня черным-черным в таком освещении провалом ствола. Нет, с таким ганфайтером мне не тягаться.

Сигареты я достал. Что же, если ничего не можешь сделать на текущий момент, нужно не дергаться, а искать тот единственно верный вариант. Поэтому, распечатав пачку, я щелчком выбил сигарету, сунул ее в рот и прикурил от золотой бензиновой зажигалки. Напрягся, напряжинился, протянул психу, будто бы случайно выронил на полпути, ожидая, что он рефлекторно наклонится, вот здесь-то и подловить. Однако тип с усмешкой все перехватил в воздухе, я даже движения не заметил, а он уже подкуривает «Парламент» с довольной рожей. Да, не самая лучшая идея, но унывать я не собирался. Раз со мной лясы точит, значит, зачем-то нужен ему. Задумай убить, дело плевое: утопил спусковой крючок пистолета, демонстративно направленного в лоб, и адьес амигос.

– Не будем сидеть просто и терять время, сейчас, через какое-то время, проявится доказательство того, что я не псих и никогда им не был. Ну, может, отчасти. Слушать будешь?

Я кивнул молча.

– Нравишься ты мне, Вальтер, вот ей-богу, нра-вишь-ся! – последнее он протянул и по-дебильному вновь улыбнулся. Сука безумная! – Другой бы истерил, дергался, а ты вон по виду спокойный, чисто танк. Только номерок с пистолетом не прокатит, далековато он. И главное, повторяю, убивать я тебя не собираюсь. Мне ты нужен живым и как можно дольше в этом качестве. Короче, не буду ходить вокруг да около, до этого ты глазки не закатывал и в обморок не грохался и сейчас, думаю, не будешь. Ну, вдохни поглубже... Готов к ужасной истине? Да похрен! Короче, ты в другом мире. Как тебе известие?

– В каком таком другом мире? – вычленил я главное и важное. Остальное же было так – лирическое отступление. И вообще, мой вопрос задавался не ради ответа, что там псих будет нести – никакой разницы, а вот время потянуть... Те же полицейские должны как-то прореагировать, вон и рация патрульных что-то маловнятное бубнит. И времени прошло уже... Чертов туман!

– А вот так! – зло сплюнул отчего-то разозлившийся придурок, но затем в который раз уже натянул на морду благожелательную маску. – И не мечтай, что я псих там, с дурдома сбежал, в просторечии который ОПНБ под номером пять.

Тут недалеко, кстати. Сейчас кисляк разойдется – получишь доказательства. Хотя в твоём случае лучший вариант был бы как раз обратный! То есть чтобы ты оказался в лапах очень быстрого, очень опасного, но психа, а не представителя нового вида сапиенса. И не гомо!

– Хорошо. Я в другом мире. Так? – стараюсь быть спокойным, спросил я.

– Да, майн френд, ты угодил в точку, точнее, вляпался с головой в огромную вонючую кучу свежего дерьма. А чтобы тебе было не обидно, я в этом дерьме давно плаваю. Считай, нахавался его выше башки, нахлебался, аж наружу просится!

– Оно и видно, – не смог удержаться от колкости, имея в виду убитых полицейских. Плохого они ничего не сделали, я не ангел, но людей просто так убивать... Да и хладнокровие, как у непсиха, просто так не появляется, вон даже глазом не ведет, будто в кабаке сидим за одним столиком, а не возле остывающих трупов. – И отчего в этом мире все как в старом? Где хоть что-то...

– Отсчет пошел. – Тот уставился на довольно дорогие туристические часы в титановом корпусе. – Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один – пуск. Тадабадам! – Пусть и не сразу последних его слов туман, будто по мановению волшебной палочки, исчез, а секунд через тридцать, но я внимательно проследил взглядом за пальцами с зажатой между ними сигаретой, тычущими в небо.

Небо было абсолютно не наше. Не земное. С два десят-

ка огромных, с горошину, звезд, даже обладая огромным воображением, трудно объединялись в созвездия. Еще черные завихрения то тут, то там, напоминающие туманности. Это было весомое доказательство. Какая там Венера или Марс, они даже в свои пиковые фазы так не светят.

– Твою мать! – не смог сдержать эмоций, а потом затейливо выругался. На всех языках, которые знал, красочно дополнив все вставками из великого и могучего. Мужик только щурился довольно, как обожравшийся сметаны кот, слушая обесцененную лексику.

Где я ни разу не бывал на нашей планете? Если брать обитаемые места, то это Австралия. Но не думаю, что на родине кенгуру рисунок звездного неба хоть сколько-то напоминает увиденный. В голове царил полный сумбур! Вот попал! Хотел сбежать... Другой мир... Не верю! Может, этот чертов туман так действует, наглотался химии, вот и брежу? С другой стороны, собственная боль в бреду – явление маловероятное, издревле известен простой способ проверки реальности – ущипнуть себя. Но зачем это делать, когда после прыжка и перекатов по обочине осталось немало болевых ощущений. Плечо, живот, ободранные ладони. Так что не похоже это на слет с катушек. Не знаю, сколько сидел и так и эдак прокачивал ситуацию, но очнулся от того, что незнакомец встряхнул меня за плечо. И сразу будто выключатель эмоций сработал. Подобрался, собрался, постарался разогнать по углам всякие не соответствующие моменту мысли, стара-

ьясь сосредоточиться только на текущем моменте. Думать будем потом.

– Что тебе от меня надо? Ты ведь не просто здесь со мной разговоры разговариваешь? – задал первый осмысленный вопрос.

– Я же говорил тебе, Вальтер, что ты мне нравишься? – Щелчком пальца отправил сигарету в сторону, искры разлетелись по асфальту, погасли. – Ну, теперь веришь мне? Или я псих? А может, ты псих? Бредишь, типа?

– Такого даже мне не выдумать!

– Так ты мне веришь?

– Хорошо, я тебе поверил. Мы в другом мире. Повторяю вопрос: что тебе от меня нужно? Деньги, ты сказал, здесь роли не играют. Но в благородные порывы я верю еще меньше, чем в отсутствие покупательской способности доллара.

– Сначала представляюсь, – неожиданно мужик стал действительно серьезным, – зовут меня Цементом. История моих крестин глупая получилась, да, глупая, и не важно это... Не имя красит человека, а человек имя. Здесь сразу забывай свои старые имена, нет здесь Петь-Вась. Называй это как хочешь – традиция, суеверия, но у нас здесь так. Теперь давай за руль, по дороге тебе кое-что объясню. Мир этот очень опасен, поэтому пошевеливайся! Если не хочешь стать едой. И да, ментовские пукалки прибери, свой пистолет, осмотри все, рацию не забудь. Поможет. Пока еще можно передвигаться на тачке, надо этим воспользоваться... Дорогу я тебе

покажу, тут каждый закуток знаю.

– Давай на берегу уточним? – Я даже не поднялся с места. – Что от меня требуется?

– Помощь, Вальтер, помощь, – поморщился недовольно Цемент, но решил хоть что-то сказать: – Ничего невыполнимого я не потребую. Поможешь мне, я помогу тебе и до людей нормальных добраться, и в курс дела введу. Я тут больше двух лет кантуюсь – многое знаю. Новичку выжить в этом мире очень непросто. Если не согласен, то вали на все четыре стороны, найду кого-нибудь другого. Хотя не буду врать, в данном случае лучший вариант – ты. И заметь, я еще ни разу не соврал. Решайся только скорее. Время действительно дорого. Как три тополя здесь – сожрут, и не заметим. Кисляк разошелся, теперь настает их время.

– Кто нас сожрет? – Эта игра в загадки мне не нравилась.

– Элита, руберы, да много кто! Тебе это что-то сказало?! Говорю же – в двух словах не растолкуешь, так что давай потом, по дороге. А сейчас делай, что говорю, не хочешь – так и скажи и вали куда хочешь! Нянькой я не нанимался работать.

Если до этого Цемент хохмил и балагурил, несмотря на трупы, то сейчас он сделался донельзя озабоченным и серьезным. Ладно, посмотрим.

– Оружие я могу взять?

– Млять, а для кого я сказал, чтобы собирал все, но только быстро?! У меня имеется, – похлопал он по кобуре с писто-

летом. – Итак, ты со мной?

Перспективы просто никакие. Но мне нужно было больше информации. Где ее добыть? Только вот у этого психа. Раз два года здесь, значит, знает окружающие реалии. Кроме всего, оружие будет у меня под рукой. С другой стороны, толку от него? Скорость выхватывания пистолета у моего попутчика запредельная. Прав он, пикнуть не успею. Помощь, опять же, какая-то требуется... Гнилью от всего этого несет за километр. Хорошие люди даже плохих, которые никому ничего не делают, в расход буднично не пускают. И еще надо выяснить, откуда он меня знает. Главное, крепло чувство – он меня не отпустит, иначе зачем столько времени потратил на мою скромную персону? Вон как глазищами зло зыркает. Да и дешевые такие трюки, но часто действенные. Типа, вот тебе свобода – выбирай. А никакой свободы выбора не было, было предложение, от которого нельзя отказаться. Потом же – мужик, ты сам это выбрал. С другой стороны, надо все выяснить и, если что, как-то избавиться от непрошеного попутчика. Мы не герои, можно и попытаться удрать. Но позже.

– Да не тяни ты кота за яйца! Выбирай уже! Так со мной?

– С тобой, с тобой. Но уточнить тоже надо, – наклонился я за своим пистолетом. У полицейских взял «ксюху», к которой нашлось четыре дополнительных магазина, два «ПММ» в кобурах, рацию. Одному закрыл глаза, пулевое отверстие во лбу. Мерзко на душе сделалось. Вот по взорванному Басмачу с кодлой ни капли не сожалею. А тут... Эх...

Мертвых обирать мне приходилось, и повидал их на своем веку достаточно. Африка, мать ее. Гражданские войны почти не утихают, только пресса про них не пишет и писать не будет, спокойные же районы на Черном континенте нас по определению не интересовали.

– Цигель-цигель, ай-лю-лю! – красноречиво постучал указательным пальцем по наручным часам Цемент.

Кинув оружие полицейских на заднее сиденье, я устроился на водительском кресле. Тихо рыкнул двигатель, я вопросительно посмотрел на спутника.

– Давай разворачивайся, – коротко скомандовал он.

Чуть притопив педаль газа, плавно развернулся, пересекая двойную сплошную.

Цемент удобно, даже несколько вальяжно, развалился на пассажирском месте.

– Сильно только не гони, скоро сверток будет. И вообще не гоняй. Мало ли... Люди после перезагрузки малость не в себе.

– Давай ближе к теме. Что за другой мир? Что за перезагрузка? Что за опасности?

– Мир... Мы его называем или Стикс, или Улей. Сейчас находимся в перезагрузившемся кластере, то есть в обновленном, в нем вы сюда и провалились. Это первое. Второе. Каждый попадающий сюда человек автоматически заражается инопланетным вирусом. Большинство перерождается, меняется, по большому счету, можно сказать, что эта дрянь

убивает человека, а на месте его оказывается тварь, главное предназначение которой – жрать все живое. А из них такое вырастает порой... Видел фильмы про живых мертвецов? Ну, там сериалы модные в последнее время, игры, опять же, про зомби-апокалипсис? Давай здесь налево, – ткнул он рукой.

Мигнув поворотником, я съехал с главной дороги на прилегающую. Асфальт через двадцать метров стал хуже, зияя ямами, наполненными дождевой водой, покрылся трещинами, в свете фар выглядящих уж совсем жутко. Но «немец» довольно мягко глотал неровности и выбоины, спасибо отменной подвеске. В том же «уазике» голову бы стрясло, а разговаривать можно было бы только криком.

– Видел пару кино про зомби. Жена любила «Ходячих». В игру коллега играл, название не помню, – подытожил я свой жизненный опыт в этой стезе. Про Вуду упоминать не стал.

– Это и не важно, важно другое: на первых этапах заражения человек становится таким вот зомби, медленный, вялый – убить как два пальца. Здесь мы их называем пустышами.

– Два вопроса. – Тот кивнул, мол, задавай, а рукой вновь указал направление движения, я же вспомнил главный козырь живых мертвецов. – Если укусит, то таким же станешь? И почему пустыши?

– Укусит и укусит, если ты иммунный, то даже антисептиком присыпать не надо, а если не иммунный, ты в любом случае таким же станешь. Пустыши же... Это отдельная тема

для разговоров. Главное – тебе следует уяснить следующее: шансов у тебя, я скажу, мало. Выжить, может, и выживешь, но есть огромная вероятность перерождения в тварь. Хотя твоего двойника я встречал в стабе, пили мы с ним здорово. Вот он мне все и рассказал и про деньги, и про сейф, и про прочую херню, которая теперь никакой роли не играет, узнав, что я в этот кластер намылился.

– Стаб, кластер? – зацепился на незнакомых терминах.

– Как бы объяснить? В общем, Улей называется не просто так, а потому что тут весь мир огромное, дерьмовое лоскутное одеяло. Или как те же пчелы делают соты. Вот и здесь так, все состоит из фиг его знает сколько лоскутов – сот – кластеров. Могут быть как совсем уж мелкие, мне доводилось два на два метра видеть, так и целые области. Вот те, которые обновляются, называются стандартными, обычными, а те которые не обновляются, – стабы.

– А обратно отсюда можно домой? И что за двойник такой?

– Никак нельзя! Забудь! Более того, есть версия, что мы – это не мы, это и про двойников ответ. – Достал собственные сигареты из подсумка Цемент, закурил.

– Это как? – Совсем меня запутал. «Мы – это не мы, а только лишь все мы», – в духе современной политической риторики сразу про себя преобразовал высказывание.

– А вот так! Слышал теорию, что вселенных бесконечное множество?

– Про это еще Коперник в свое время теоретическую базу подводил, основываясь на древнегреческих учениях. Потом дело продолжил Джордано Бруно⁷.

– Какой Коперник? – разозлился Цемент. – Тьфу ты, неважно, короче. Хрен бы со всей этой хренью! Коперник-фуерник! Главное – это другое...

Я кивнул, действительно, главным было другое. И тут же вдавил сигнал клаксона. Какой-то забулдыга вынырнул из темноты, едва не угодив под колеса. Заорал, отскочил и бросился бежать. За плечами у него виднелся или туго набитый мешок, или рюкзак. Не разглядел. Ограбил кого-то под шумок или местный ларек обнес. Спасли пешехода только отличные покрышки и мои навыки вождения. Так бы размазал по асфальту.

– Ну вот, – проводив мужика взглядом, продолжил повествование Цемент. – Совсем запутал меня, короче. Тут весь мир представляет чертову прорву кластеров. Миров тоже дофига и больше, поэтому наблюдаются небольшие расхождения при перезагрузке. Ну, там в одном месте была война, в другой не было. Но все равно кластеры перезагружаются постоянно, в минуту их может сто тысяч по Улью перезагрузиться, может миллион – никто не знает, а в наших родных реальностях о массовых исчезновениях городов, людей, сел никто ничего не знает. Соответственно, и предположение, что нас всех копирует, кто под туман попал. Туман – это

---

⁷ Идея множественности миров имеет свое начало еще в трудах Демокрита.

кисляк по-нашему. Ну и для всех развилка такая. Попал в этот туман – все, ты теперь в Улье и будешь носиться тут, как та же пчелка. Так что здесь лишь копии нас реальных. Вот и получается, что мы – это не мы. То есть возвращаться тебе некуда, так как там, у себя, никуда ты и не исчезал. В своей реальности ты спокойно живешь, ну, или беспокойно, – криво усмехнулся он.

– Ясно. А если здесь перезагрузки этой твоей дождаться? Может, обратно выкинет? – решил принять как рабочую версию этого Цемент. Для дискуссий мало информации.

– Нет, даже не надейся. Сколько таких Фом неверующих было только на моей памяти – мама не горюй. Остаешься голый, без снаряги, ладно, если с головой нормально, а то и с катушек слетаешь. Давай потом продолжим, здесь довольно хитрые повороты есть...

Кружили мы не меньше сорока минут, не выезжая на центральные улицы и проспекты, изредка лишь их пересекая. Я хоть и находился за рулем, но уже к концу пути совершенно запутался. А GPS-навигатор, потеряв спутники, стал совершенно бесполезен. Тоже облегчающая жизнь, с одной стороны, штука, но постепенно приводит к географическому кретинизму у пользователей. Вождение было не из легких, еле еле ползли.

В городе лишь редкие здания освещались, да лишь изредка мелькали фары автомобилей. Тьма кругом непроглядная. И сразу вместе с ее приходом зарождался, нет, не страх, а

какая-то подспудная тревога. А если учесть, что доводилось мне бывать вот в таких городах, до этого живых, но ставших мертвыми. Где нередко можно было нарваться на пулю снайперов или же просто дураков. Могли как регуляры, так и повстанцы из чего-нибудь крупного садануть. Нет, даже не из-за каких-то опасений, просто потому, что могут.

Обычная городская темнота, она часто ласковая, особенно по молодости лет, сейчас же сделалась угрожающей. И на душе тоскливо, будто вот-вот должно произойти страшное. Сама атмосфера давила, учитывая, что довольно часто мимо мелькали врезавшиеся в деревья и столбы автомобили, аварии на каждом шагу. Хорошо, что нигде не было видно пострадавших. И это мы не выезжали на проспекты. Пробирались по таким заулкам и закоулкам, где и болид «Формулы 1» не проедет.

– Вон у того подъезда тормози! Да не обращай внимания, прямо на газон вылазь, кончилась цивилизация, – указал он на подъезд сталинской пятиэтажки, в чьем дворе мы сейчас оказались. – Теперь о выживании идет речь.

Но я не обратил внимание на высказывание попутчика. Припарковался, прижавшись к бордюру. Втиснул здоровенный внедорожник между облепленной спойлерами заниженной «Маздой» и довольно потрепанным «Фольксвагеном Поло». Привычка. Заглушил мотор. Цемент только прошипел что-то нелицеприятное, я не разобрал.

– Какой-то ты трудный се... Вальтер! Хватай оружие и

давай за мной, да быстрее! Мы одни тут шухер наводим, а надо мышками, раз, и там, – энергично разминая затекшую шею, заявил он. Я взял сумку с деньгами из бардачка. Мало ли, а то говорят, в Париже кур доят, кто-то верит, кто-то и нет. Своя ноша не тянет. Повесил на плечо автомат, сунул в карман пиджака рацию, а в другой «ПММ» прямо в кобуре. Втиснул в сумку между пачками банкнот четыре магазина для «АКСу».

– Да быстрее давай шевелись! – почти забрызгал слюной мой визави.

Я же второй «ПММ» решил оставить в машине. Пусть будет. Нажал на кнопку сигнализации на брелке.

Железная подъездная дверь без электричества была открыта. Цемент подсвечивал путь фонариком, и без каких-либо проблем поднялись на четвертый этаж, здесь спутник долго елозил по карманам, затем нашел ключ и открыл дверь.

– Прошу, – картинно поклонился он.

Квартира была явно жилая, но по чуть затхлому воздуху складывалось ощущение, что в ней давно никого не было. Мебель средней ценовой категории, в целом все довольно опрятно. Хотя все будет выглядеть чисто пусть и в ярком, но фонарном свете. Не лоск и не шик, но вполне себе даже. Берлога для одного. Здоровенная берлога – трехкомнатная «сталинка». И женских вещей не наблюдалось, как и женской же руки. Всегда можно определить, что в доме живет представительница слабого пола. Так как, кроме функциональных ве-

щей, будут присутствовать милые безделушки, вообще, это своего рода магия прекрасной половины человечества.

– Парнишка тут живет, турист, куда-то в тайгу умотал. Повезло. А то бы тоже горя хапал, – пояснил усатый спутник. – Давай располагайся, я сейчас пошуршу, у него тут дофига барахла для автономного проживания, туристическая плитка тоже имеется. Кофе хочется страсть как, да и порубать нормально горячего, третий день сухомяткой давлюсь.

Поели тушенки с макаронами, у запасливого туриста оказалась даже вода в пятилитровых бутылках. Затем Цемент разложил на полу в комнате с мастерской карту и принялся ее внимательно изучать при свете фонаря, водя пальцем и шевеля губами, будто что-то высчитывая. От моих вопросов он отделялся односложным мычанием или совсем не обращал внимания.

– Скажи, а наш кластер каких размеров? – Карта была Зеленоминска и его окрестностей.

– Да, считай, две трети города. Вот смотри, – провел пальцем очертания. – Где-то так. Да, точно.

– Вопрос: а тогда как так быстро очутился вот здесь? – ткнул я пальцем в примерную точку, где он меня повстречал, и навскидку сказал: – До границы тут километров пятнадцать-семнадцать. Был ты без машины, иначе бы на твоей дальше двинулись...

– Если точно, то девятнадцать. Но не суть, в общем... Долгая история.

– Мы куда-то спешим? Но вопрос интересный, тем более ты сказал, что, попав под перезагрузку, иммунный минимум остается без одежды, максимум – с выжженными мозгами.

– Вот тебе и ответ, – ткнул он в меня неожиданно материализовавшимся в руке пистолетом.

– И все же? – Угрозы я не чувствовал, хотя это псих, но лучше реагировать на все спокойнее, умею отстраняться. Не всегда, не везде, но иногда получается.

Рука у Цементы оставалась в том же положении – вытянута и направлена на меня, только «ярыгина» в ней уже не было. Я даже головой встряхнул, может, пропустил момент.

– Вот, – и пистолет вновь в руке, я даже внимательней на рукава посмотрел, может, там прячется какое-то хитроумное устройство? Нет, не похоже.

– Давай подробнее, кроме того, что ты мне тычешь в морду стволом, я ничего не понял. Да, у тебя это получается на диво быстро, но один черт, не догоняю. – Стала просыпаться злость.

– Все просто. Все иммунные с самого начала получают Дар от Улья. Но это не волшебство, а типа дальнейшее развитие нашего организма. И Умение может быть какое-то абсолютно бесполезное, например, охладить пиво или там нагреть воду в стакане... Кстати, про пиво. Хочешь? Тут в холодильнике есть запасец. – Я отрицательно мотнул головой, тот же продолжил: – А может быть такое, что помогает в нашей непростой доле рейдера. Допустим, можешь бегать со

скоростью автомобиля или тебя не замечают зараженные, то есть в просторечии зомби, можешь исчезнуть здесь, появиться там, двигаться так быстро, что всем кажется, что останавливаешь время. Даров уйма, для одного только перечисления тех, о которых я слышал, надо говорить сутки. Чем дольше живешь здесь, чем больше потребляешь гороха, развиваешь свой Дар, тем больше вероятность, что у тебя откроется еще одно умение. Так, пистолет в моей руке оказывается не потому, что я тренировался его выхватывать, а потому что это мой Дар. В Улье я уже два года с лишним, скоро три уже будет, а это для Стикса много, чертовски много, я чертов долгожитель! Так вот, второй мой дар – могу без последствий переносить перезагрузки. Какие другие способности имеются, не скажу. Да и никто из нормальных рейдеров не скажет. Так ясно?

– Если это не магия и не волшебство, то как? – Я уже свыкся с мыслью, что в другом мире. Опять же, информации обо мне, что Цемент выложил, не знала ни одна живая душа, а его я до момента убийства полицейских ни разу не встречал. Он же утверждал, что встречал копию меня. – И что за рейдеры? Отжимаете у кого-то бизнес? Бомбите пути сообщения в тылах на море?

– И чего ты к терминам привязываешься? Рейдеры – это все честные бродяги, которые гуляют по кластерам, охотятся на тварей, воюют с бандитами и всякими отморозками. То есть все мы рейдеры. У одного специализация на четком

хабаре вроде оружия и патронов, брони и прочего. Другой предпочитает всем видам охоту на монстров. И так далее. Сначала всех хватали, но это совсем уж старожилы. Зубры, мать их, у нас таких в стабе полно, один Князь чего стоит... Потом с выходом игр всяких, начиная от Сталкера и заканчивая Fallout, – то сталкеры, то рейдеры. Не пытайся термины в привычные тебе смысловые категории перевести. Тут все так, да не так. Своя система, своя культура. Сечешь?

– Ясно. А какой процент иммунных от общего числа попадающих в Улей? – Вот этот вопрос я, с одной стороны, боялся задавать, ну ни верилось мне ни капли, что я уже заражен какой-то дрянью и чувствую себя хорошо. С другой – вопрос, как говорил товарищ Ленин, архиважный.

– Зависит от множества факторов, начиная от того, какой кластер, и заканчивая неизвестно чем. Бывает один на десяток, бывает один на сотню, а бывает и на тысячу. Очень редко, но случается, что из сотни два-три всего иммунитета не имеют. Но такой вариант даже не редкость, исключение из исключений. Так что никто точно тебе не скажет, разве что институтские, но они не хотят делиться просто так информацией, или наши КАНовцы.

– Институтские? КАНовцы?

– Пока не забивай голову, лишнее это. Вот выживешь, тогда и узнаешь. Эта тема не табу. Про них все знают.

– Скажи, а вот эти зараженные, сам говоришь, что как зомби в фильмах? Кого они сожрать могут? Медленные,

неуклюжие, даже своего самого мощного аргумента лишены – кого укусят, в них же и превращаются.

– Все опять так, да не так. Сначала они медленные и вялые, но затем, добравшись до пищи, растут. И они живые. Становятся быстрее, сильнее, умнее. Например, бегунами, дальше еще изменяются, затем идут лотерейщики, горошники, матерые твари – это уже руберы, ну а совсем продвинутые – элита. Представь себе тушу от тонны весом, одни мышцы. Автомобиль на полном ходу догоняет, бронетехнику чисто консерву вскрывает, реакция такая – с линии огня в доли секунды уходит. При этом, чтобы завалить такую тварюгу, в ход пушки идут минимум тридцать миллиметров.

– Пища у них – только иммунные люди?

– Нет. – Цемент закурил. – Ты тоже бы пока курил, завтра после обеда уже не покуришь. Сча запахов отовсюду чертова прорва. Да и битва за урожай в других местах идет. А из жратвы для зараженных первое место занимает разная мелочь – типа кошек, ворон, мелких собак, ну совсем мелких, которые превышают пятнадцать килограммов, сами монстрами становятся. Но больше всего любят котов, тащатся от них, те для них как наркотик, ну, или «Сникерс». Точно никто не скажет, но может даже на человека внимания не обратить, если за кошаном погонится. Второе место – разная травоядная живность, вот она совершенно не подвержена вирусу. Коровы, овцы, лошади... Свины же всеядные... Из них такая элита порой вырастает, и чаще всего это жуть.

Свинофермы – это адский рассадник. Держат их там порой по несколько в клетке. На третьем месте идем уже мы – иммунные. Тебя пока к этому числу относить рано. Ну и последнее средство, к чему они обращаются, если не получается добраться до другой пищи, – каннибализм. Жрут друг дружку, и деньги в кружку.

– Элиту можешь описать? Рост, вес?

– Здоровенная дурмашина, – и, отвечая на незаданный мной вопрос, который так и вертелся на языке: – От трех метров в высоту, весом не меньше тонны. И каких их разновидностей только не бывает, начиная от кинг-конгов, заканчивая уж совсем непотребной хренью.

– И зачем тогда артиллерия, чем вас не устраивает крупняк? Та же пуля «КПВ» слону в хобот войдет и из задницы вылетит и следующего слона грохнет. А слон крупнее элиты получается...

– Для матерой элиты «КПВТ» – семечки. Они ведь тоже не просто так, у нас есть свои Дары, у них свои. Плюс смертельных точек очень и очень мало, а остальное им до лампочки. Боли не чувствуют совершенно, регенерируют так – жуть. Если даже мы нехило умеем это делать. Вот и получается, что крупняк не панацея, только артиллерия нормально работает.

– Теперь давай про дела поговорим. Что ты от меня хочешь? В чем моя помощь требуется?

Цемент задумчиво посмотрел на часы.

– Все завтра. Так, тебе пора принимать лекарство, чтобы не загнулся раньше времени. – Он достал из-под бронезиelta ладанку, откуда выудил красного цвета кругляш, протянул мне: – Давай глотай и ощущения описывай. Даже если ты зараженный, еще сверху часа четыре проживешь благодаря этой штуке, и вот запей. – И, видя мою нерешительность, добавил: – Ну, чего медлишь, хотел бы что-то плохое сделать – сделал бы, сам понимаешь, у тебя против меня ни единого шанса.

Проглотил.

– Тепло по всему телу пошло.

– Отлично. – Тот показал мне большой палец в знак одобрения. – Теперь же вот три-четыре глотка, не больше, – строго добавил, протягивая обычную армейскую флягу. Я приложился. Несмотря на запах хорошего коньяка, жидкость оказалось той еще мерзостью. Отвратительная, еле-еле в себя пропихнул.

– Ну, ловись рыбка и большая, и маленькая. – Опять, видимо, ситуация была понятна только ему. – Как себя чувствуешь?

– Да вроде в порядке, голову малость кружит.

– Это нормально. Короче, я сейчас на боковую, как светать станет – толкнешь. Ты же, если хочешь еще пожить, лучше даже не засыпай. Время засеки и раз каждый час по три-четыре глотка живца. – Видя мои недоуменные глаза, пояснил: – Что пил только что. Жрать захочешь – разогревай

только в ванной, в туалет по-большому, там мешки под мусор, сделал дело в мешок – его завязал и в окно. Нечего волноваться. Как бы до обеда здесь кантоваться не пришлось. Все, бывай.

Цемент развалился на диване, и уже минут через десять из комнаты раздался могучий храп. Я же устроился на стуле возле окна, наблюдая за безжизненным проспектом, борясь с двумя желаниями – со сном и жадой убийства.

Глава 2

Крысы

Обычный город даже ночью издает множество звуков, но по сравнению с дневной свистопляской для обывателя кажется, что опускается тишина. Что ему шум редких автомобилей, когда при свете солнца их гул становится вездесущим? Еще абсолютная, непроглядная темнота для большого города – явление редкое. Даже в заулках и закоулках она не имеет безграничной власти, ее попирает вездесущее уличное освещение, рекламные баннеры, вывески сотен и сотен магазинов и бутиков, фары снующих всю ночь машин, светящиеся окна тысяч и тысяч квартир.

– Ты просто с центральных улиц никуда не сворачивал! – заявит старожил с видом знатока.

Я сравниваю с девственной природой, с глухой тайгой или дикими уголками, точнее, углами Африки. Вот там темнота и несет тот первобытный глубинный ужас, когда за границами круга, освещаемого костром или фонарем, кажется, что нет не только жизни, но сама Ойкумена сузилась до этих пределов. Любой человек ночью в городе может совершить пешком путешествие из одного конца в другой, не имея фонаря и других осветительных приборов. То есть пройти порядка пятнадцати-двадцати километров. Выкинем из урав-

нения встречу с уличной шпаной как маловероятную. Ну и скептикам, говорящим, «вот наша тьма самая темнотатая в мире, сделайте тот же путь, особенно в безлунную ночь по лесу, пусть и не девственному». Все, нет больше задора? Поэтому сейчас, когда освещалось лишь одно пятиэтажное здание напротив, оказавшееся УФСБ по Зеленоминской области, казалось, что вновь произошло возвращение к временам каменного топора. Сегодня большинство людей забилось в свои пещеры и ждало солнца с той же надеждой, как многие тысячелетия назад. А хищники вновь вышли на охоту, если Цемент не соврал.

В невероятной для города тишине резкие звуки, отражаясь от домов, разносились очень далеко. Вот где-то звякнуло разбитое стекло, а далеко, на пределе слышимости, раздалась заполошная автоматная очередь, сначала одна, потом присоединилось еще несколько стрелков... Совсем близко гулко грохнул выстрел из ружья, второй, третий... А затем раздался истошный, настолько ужасный вопль, как могут кричать только перед смертью. У меня зашевелились волосы на затылке. Громкий звук сминаемой огромной консервной банки под непрекращающийся вой сигнализации, потом к какофонии присоединилось еще не менее десятка автомобилей. С каждой минутой, пока прислушивался к ночному городу, убеждался в правоте слов Цемента. Это не чрезвычайная ситуация, это полный и беспросветный звездец.

Шипящая и неожиданно резко разрождающаяся звуками

ми рация убитых полицейских только добавляла весомости крепнущего ощущения конца привычной жизни: «Нападение на патрульную машину», «Ограбление на углу...», «Пропал со связи...», «Есть жертвы среди сотрудников...», «ДТП на улице...», «Пожар в жилом доме...». Впрочем, продолжалось это от силы часа три, затем рация разрядилась окончательно.

Я обдумывал слова Цементы. Соотносил их с реальностью. Сумбур в мыслях возникал в первую очередь от недостатка информации. Еще постоянно волнами накатывала какая-то слабость, голова кружилась, однако после пары глотков мерзкого пойла из пластиковой бутылки становилось легче. Неужели действительно я умру и перерожусь в какого-то мертвяка? Гнал эту мысль, но она настойчиво ввинчивалась, возникала вдруг неожиданно, нападая, будто дешевый гопник из-за угла.

Хотелось спать настолько – в глаза хоть спички вставляй, стоило их только прикрыть, как сразу проваливался в странную полудрему. Приходилось встряхивать головой, вставать со стула, ходить, кипятить воду в ванной на горелке, заваривать мерзкий растворимый кофе, которого выпил уже литра два. В сигаретах, хоть и запрета не было, тоже старался себя ограничивать. Так как убойная доза никотина на такую же кофеина вызывала не столько бодрость, сколько кидала в слабопохмельную дурнину от алкогольного лекарства Цементы.

Часа в три ночи в здании ФСБ началась суэта. Вооруженные люди в камуфляже и масках забегали по территории. Затем из боксов показался восемьдесят второй БТР с тридцатимиллиметровой пушкой, подъехал к воротам. Сразу за ним пристроился «Тигр», потом очередь настала двух «Тайфунов», следом выехала странная, футуристического вида машина, замкнул колонну тоже новенький БТР, но вооруженный «КПВТ». Часть бойцов привычно и без суеты заняли места на броне, один из них дал отмашку, и ворота открылись. Колонна, рыкая двигателями и воняя густым соляным выхлопом, таким мощным, что даже я, находясь на четвертом этаже «сталинки», смог в полной мере им насладиться, по центральному проспекту умчалась куда-то. Ворота закрылись, и вновь окружающее погрузилось в привычную тишину. Ну, или ее подобие.

Последний и добивающий меня аргумент в правдивости слов Цементы случился с первыми лучами солнца. Сначала я услышал мерный топот, на который не обратил особого внимания. А затем руки сами стали искать сигареты, потому что та огромная тварь, которая бежала с огромной скоростью по проспекту, могла быть только порождением безумных кошмаров. Огромное, около трех – трех с половиной метров существо, напоминающее гориллу-переростка, но только силуэтом. Все ее тело покрывали костяные щиты и щитки, голова тоже не избежала этой защиты. Вдоль позвоночника от здоровенной башки, посаженной сразу на плечи, шли в три ряда

костяные шипы. Это все я рассмотрел мельком, потому что тварь, ловко передвигаясь на четырех конечностях, разогналась, наверное, километров до шестидесяти в час.

И более или менее мне удалось ее рассмотреть, потому что она, руководствуясь каким-то своим чувством прекрасного, принялась отшвыривать с обочины некоторые автомобили. Легко, просто, будто это не механизмы весом за тонну, а детские мячи. Звон, лязганье, вновь визжание сигнализаций. А ведь всего час назад последняя близкая заткнулась. Внезапно, после того как чудовище правой лапой отправило в полет маленький «Фольксваген Гольф», подняла вверх морду. У меня сразу же от позвоночника пронеслась холодная волна, зашевелились короткие волосы на затылке. Пасть даже не крокодила, акуля! Зубы в несколько рядов, и внушительные зубы, если я смог их разглядеть с такой высоты. Та же, словно ухмыляясь, растянула безобразную пасть, а затем устремилась дальше, перебежав на другую сторону дороги и здесь походя врезав кулаком по тайотовскому пикапу. Тот оторвался от земли, перевернулся в воздухе и снес стеклянную витрину магазина женской одежды, судя по показавшимся по тротуару манекенам в женской одежде. Нервяк наложился на название бутика «Элефант»⁸, заставил нервно хохотнуть.

– Молодой, дурь девать некуда, вот и резвится, потом матереют, бесшумно передвигаются, а вначале – чисто дети, да

---

⁸ Слон (*фр.*).

и этот, когда ему надо, куда там кошке. – Я даже вздрогнул, когда голос Цемента раздался прямо над ухом. Надо же, не заметил, как он вошел. Тот усмехнулся: – Вот это и есть элита. Пусть и мелкая. Как? Впечатляет?

Я только кивнул:

– Вот это тварь, до сих пор волосы на голове шевелятся и дыбом.

– Ты ж почти лысый, так да, волосы дыбом у многих, особенно первый раз, менее выдержанные и в штаны не стесняются накидать. На то он и жемчужник – абсолютное оружие против человека. Но ты странный какой-то се... – В конце фразы захлебнулся он кашлем, после спросил: – Как себя чувствуешь?

– Да вроде бы нормально. Только иной раз голова кружиться начинает. Твоя вонючая дрянь помогает.

– Это нормально, – односложно, но явно обрадовавшись, заявил Цемент. – Пойду кофе соображу и расскажу, для чего мы здесь сидим.

– Мне тоже плесни.

Тот кивнул и вышел из комнаты. Вернулся с двумя кружками, поставил на подоконник, а сам сходил за стулом и устроился рядом. Достал сигареты, закурил.

– Теперь расскажу мой план. Это здание ФСБ по Зеленоминску и Зеленоминской области. Разглядел уже, наверное? Одни они тут светились всю ночь. – Дождался кивка, сделал затяжку и отхлебнул кофе, затем продолжил: – Хочу, когда

фаталити для всех придет, БТР новый оттуда отжать с пушкой, ну или «Тайфун» на крайняк. Броня у нас в Улье в цене любая. А дальше от Пекла, она вообще на вес споранов. Если вирус тебя не убьет, возьму в долю. Потому что там еще одно дело надо будет сделать. Но об этом скажу, когда придет время. Так как сам не знаю точно, выгорит оно или нет. Именно там основная помощь будет и нужна. А так на погрузке поможешь. Барахла кучу надо будет загрузить.

– Опоздал, – сказал я, – они в три ночи примерно куда-то выдвинулись. Сказал бы точнее, если бы до этого сообщил, за чем наблюдать.

– Вернутся скоро, так что не переживай. Все учтено давным-давно. Не первый раз замужем, – ничуть не расстроился Цемент и весело хохотнул.

– И какова моя доля? – решил прояснить выгоды от предстоящей операции. Вообще, считал ее бредом, там спецназ ФСБ, матерые ребята, которые прошли не одну и не две горячих точки, тренированные до жути. Они отдадут нам боевую технику за красивые глаза? Ага-ага. Скорее уж именно они сделают всем «фаталити», как говорил Цемент, чем умрут сами.

Но решил со своим скепсисом не лезть, все-таки мало я еще знаю окружающую действительность, опять же, вирус инопланетный. Может, помогает лекарство моего визави, а может, дело в другом. В чем? Например, нет никакой болезни. Зачем выдумывать ее? Тоже не могу сказать точно,

но знаю одно: ночью те же фээсбэшники признаков недомогания не высказывали, на броню, опять же, залетели резво, профессионально.

– Не обижу. Процентом тридцать-сорок дам, как себя проявишь. Понимаю, что много, но я никогда не жадничаю, когда речь идет о таких вещах, тем более если выживешь – ты новичок, а новичкам в Улье почет, уважение, слава и куча всего. Обидишь – Улей накажет. Это один из нерушимых законов Стикса.

– А как же менты, которых ты грохнул? – вспомнил я вчерашний инцидент, вот не вязался он у меня с благородством и честностью. Сам же боролся всю ночь с желанием Цемент завалить. Не раз и не два уже готов был, но любопытство пересилило.

– Да что ты привязался сегодня с этими ментами, хрен бы с ними. Запомни – за муров ответки нет. Даже за свежих. Уж лучше пусть так.

– Муры – это менты?

– Почти что. Муры – это бандиты, отморозь хуже всех тварей, которых земля носит. Сегодня он с тобой с одного горла хлебает, завтра уже в ошейнике продавать тащит, – оболзился усатый. – И завязывай на мозги капать ими. Менты, менты...

– Да не вопрос. Уточняю же, – ослабился я, решил перевести тему на другое: – Можешь рассказать еще о вашей жизни?

– Ты не спешишь? В чем смысл моих рассказов, если ты часов через пять будешь желать только сожрать ближнего своего?

– Зато потом, если что, лишний раз языком чесать не придется. Или нам уже выходить?

Тот взглянул на часы, потом задумался, пошевелил губами, будто что-то подсчитывая, и ответил:

– Часа три еще есть. Что хотел узнать?

– Итак. Я в Улье или Стиксе, – решил сначала изложить то, что обдумывал и раскладывал по полочкам ночью. – Первое название по аналогии с пчелами, так как все проваливающиеся сюда куски реальности будто соты – лепятся одно к другому. Второе название – ради красного словца? Типа, любит публика такое – Стикс, Харон, Фобос, Некрос и прочая латиница, завязанная на древнегреческую, скандинавскую или христианскую мифологию. Джаханнам, закум не так впечатляет, да и непонятно для многих. Массмедиа не это рекламирует. А тут прямо из школы фундамент закладывается: Геракл, горгона Медуза, Персей, Тесей и прочее. То есть любой, даже последний имбецил примерно имеет представление. Так?

– Ну, примерно.

– И все же возвращаясь ко второму названию. Почему именно Стикс? Что под этим имеется в виду: река в Аиде, о которой почти всем известно, или же первобытный ужас и мрак, из которого стали зародиться первые живые суще-

ства?

– Честно – хрен его знает, даже не задумывался. Название и название, но если так... Если взять главную черту этого мира, то скорее да, ужас и мрак, из которого рождаются новые существа... Надо же... Откуда только ты это знаешь?

– Где нас только не носило, – уклончиво ответил я.

Тот только изумленно поцокал языком. Мол, ни фиги себе, морда ошеломленная, будто неожиданно с ним предмет мебели заговорил. Многие так ошибались. До двух метров я всего лишь двух сантиметров и недотягиваю, вес сто десять кгэ, а точнее, масса. Жира – ноль целых ноль десятых. Всегда очень коротко стрижен, ножевой шрам через всю щеку. Можно без ретуши ставить мой портрет в «Их разыскивает полиция», между тем кандидат в доктора наук по политологии, и не купил, а сам диссертацию написал и защитил. На ней уже много кто паразитирует, особенно когда тема касается Франкофонии и «мягкой силы» Франции.

– Далее, – я сделал большой глоток противного растворимого кофе из кружки, – кластера есть двух видов – которые перезагружаются и которые не перезагружаются никогда. – Тот пытался опять что-то вставить, но я не дал: – Вторые называются стабами и там сосредоточена вся жизнь. Так?

– Да, так, только делить их на две категории неверно. Есть кластера, где перезагрузка за перезагрузкой идет – заклинившие; есть, где раз в неделю случается, а есть, где...

– Давай о деталях потом поговорим. О'кей? Тем более сам

толковал, что месяц надо, чтобы в курс ввести. Что за дрянь, которую я вынужден пить и ты к ней прикладываешься? Живец. Зачем он?

– Это живец, живун, живчик, живая вода, топливо, горючка, бенз, соляра и еще не одна сотня названий. Без него иммунному долго не протянуть, начинаешь слабеть, потом наступает ломка, вроде наркоманской, только хуже раз в сто, ну идохнешь. То есть этот живчик для нас теперь та же ценность, как вода и еда. Если не важнее. Название же, раз ты любишь так докапываться до них, значит одно – без этой дряни нам не жить.

– А как его делают?

– Берешь граммов пятьдесят спирта и вот такую штучку, – покопавшись в уже виденном кисете, он достал сине-зеленую горошину. – Растворяешь в спирте, образуется осадок. Избавиться от него довольно просто – фильтруешь через двойную марлю, бинт или просто ткань. Полученный чистый раствор разбавляешь на пол-литра любой жидкости. Все, живец готов. Как принимать? Просто и сложно одновременно. Частота и количество зависят от индивидуальных показателей и множества факторов. Например, сидишь в стабе, не напрягаешься, то полторашки на неделю железно хватит. В рейде чаще и больше, ну, а если ранение, то там вообще он летит.

– Откуда вы берете эти горошины?

– Нет, ты ошибаешься, это не горох, это споран, а горох

вот, – вытащил он окатыш, напоминающий спрессованный кусок сахара. – А берем мы их... Приготовься, чтобы не сплевать. – И гнусно усмехнулся: – Готов?

Что за любовь к театру? Вообще ничего не может сказать просто и внятно, надо обязательно сто лишних слов. Не люблю таких товарищей. А этот еще из самой поганой их братии: вроде говорит много, часто, а на деле, начинаешь разбираться, ничего особого и не сказал. Такие болтуны любого шпиона с ума сведут.

– Готов. Не из трупов же вы их достаете? – усмехнулся я.

Цемент заржал, да залиvisto так, хлопая себя по бокам и не переставая вздрагивать всем телом. Затем вытер тыльной стороной ладони выступившие слезы и сказал:

– Парень, ты угодил прямо в точку! Чисто пальцем сразу в дырку! Мы их добываем из зараженных! И добыть их можно только из них!

Вот тут меня повело, как представил, чуть обратно все не полезло, хорошо хоть опыт общения с каннибалами был. Первые разы вообще тяжело: он тебе блеснит зубами, а ты смотришь на его черную рожу, как подумаешь, что вот этот дрищ, которого соплей можно перешибить, – людоед! Человечину жрет! Рука сама к пистолету тянется. Рефлекс, который, похоже, вырабатывался в человечестве не одно тысячелетие. Ведь вроде со стороны физиологии – человек тоже животное, мясо, кости. А рука тянется и тянется к кобуре, аж в дрожь кидает от этой борьбы со своей сущностью. И

дело делать надо, потому что этот чертов ублюдок – местный вождь, который действует в русле наших кураторов, и он просто достоин очередной партии военного хлама, который здесь и не хлам вовсе. Тем более платит алмазами и золотом. Поэтому сейчас я мужественно сжал зубы, так бы вряд ли содержимое желудка на месте осталось.

– И по-другому нельзя! – жестко и серьезно добавил он. – Это не блажь и не эстетство! Хочешь жить, будешь и спороны потреблять, и горох. Если повезет. В общем, у каждого зараженного на затылке начинает расти такая хрень, мы ее называем «споровый мешок». К твоему спокойствию скажу: чем только ни проверяли и кто только ни проверял, именно там все стерильно, роддом отдыхает. Отсюда и классификация зараженных. На первом этапе – пустыши, то есть их споровый мешок абсолютно пуст. На втором – бегуны, это уже подъевшие зараженные, у которых при удаче можно обнаружить один-два спорона, третьи – топтуны, у них рогаевуют пятки, поэтому они топают сильно, – тоже только спороны. Дальше идут лотерейщики, вот в них можно обнаружить горох, спороны всегда, но горох пятьдесят на пятьдесят, то есть как повезет. Отсюда и название. Дальше руберы, в них и горох, и спороны, редко-редко... впрочем, пока рано. Ну и элита. При этом эти названия касаются только содержимого споровых мешков, выглядеть же они могут совершенно по-разному.

– У животных так же?

– Ага, точь-в-точь, только не хотел бы я с их элитой встречаться. Например, медведя или еще кого крупного, а зоопарков тут тьму приносит, города все же. Львы, пантеры, белые медведи, тигры и прочее, прочее, прочее. Короче, каждой твари по паре!

– А птицы не перерождаются?

– Минимальный вес подверженных заражению – четырнадцать килограммов. Где ты таких птиц видел-то?

– Африканский ушастый грифон, например, или черный гриф, страус, казуар, альбатрос. Менее экзотические – дрофа, лебедь. И это только те, чья масса укладывается в достижимые средние пятнадцать кг. Без рекордов. А тех же страусиных ферм в России много.

– Нет, о такой экзотике даже не слышал. Может, где-то и встречается.

– Ясно. Твой стаб где? Или это тайна?

– Никакой тайны. На северо-восток около трехсот километров. Мы почти у границы Пекла, пусть и не самая жуть, но уже и не прогулка на свежем воздухе. Видел же сам, элитки носится туда-сюда. Наш стаб называется Острог, кто-то называет его Княжеством, так как заправляет у нас всем Князь. Это ближайший к Пеклу стаб, по крайней мере, в ближайшей тысяче километров. Говоря про стаб, я имею в виду цивилизованный, где нормальные люди живут. Есть еще Дикие стабы. Но это скорее перевалочные базы, хутора – что угодно, а не место для нормальной человеческой жизни. Ис-

чезают от любого чиха. Налет тварей, муров и прочее.

– Поясни про Пекло. Что это такое?

– Пекло – это Пекло.

– А сало – это сало, – сдохмил в тон я, но, увидев, что мой проводник в этом мире задумался, решил промолчать.

– Это скопление кластеров, которые приносят сюда большие, густонаселенные города. Или их части. В итоге здесь Ад. Тварей тьма, и самых опасных. Ведь постоянно им жратву Улей подкидывает. Вот и плодятся. Потом поймешь, если выживешь. – Тут он посмотрел на часы. – Скажи, ты фильмы ужасов любишь?

– Не очень.

– А смотреть придется. Минут через пять. Мощный ужасный экшен, замешанный на крови, а не на кетчупе! – и довольно заржал. Все же у него с головой беда. Нет, я не добрый самаритянин и не думаю, как облагодетельствовать человечество, не рыдаю от того, что в мире существует несправедливость, не побежден голод и многое другое, что относится к базовым человеческим потребностям по Маслоу. Но у меня точно так же не вызывают эти факты радости, злорадства, тем более когда все происходит прямо на твоих глазах или рядом.

– Скоро, совсем скоро, – пропел Цемент, но сразу посерьезнел и даже разозлился: – Твою ж мать, теперь ясно, чего тут этот элитник носился... Как бы не остаться с голой жопой, если их отряд сюда явится... В прошлый раз подранок

ушел, да ушел...

Я не понял, что имел в виду этот псих, но переспрашивать не стал, а прислушался. Где-то в отдалении послышалось гудение мощных двигателей. Виденная мной ночью колонна возвращалась в том же порядке, как и выехала. Однако сразу бросилось в глаза то, что на броне не было ни одного человека. Головной БТР достиг ворот, крутанувшись на месте, встал, перегораживая дорогу и направив ствол пушки на проспект, рядом с ним пристроился «Тигр» с «АГСом» на станке, а бронированные «Тайфуны», еще один «Тигр» и непонятная машина скрылись за зданием ФСБ.

– Это что за монстр? – ткнул пальцем на вызвавшую ночью изумление технику.

– «ЗИЛ» «Каратель», – односложно ответил Цемент, немного отвлекшись от наблюдения. – Такие они и есть – каратели, мать их.

В это время последний БТР дополз до ворот и повернул «КПВТ» в сторону проспекта, но в противоположную сторону относительно пушки первого.

– А зачем вернулись? – Вопрос действительно меня интересовал. Вроде бы уехали, выбрались нормально, надо из города когти рвать, а они обратно.

– Так и планировали. Здание тут нормальное, нижние три этажа еще до революции возводили, толщина наружных стен – полтора метра. Их из арты фиг раскатаешь. Окна, сам видишь, на высоте третьего этажа только нормальные начина-

ются, есть еще и обширный подвал. Катакомбы. Там у них своя тюрьма и камеры предварительного содержания. Вокруг территории трехметровый забор, есть гаражи и боксы, куда можно добраться под землей. Матбаза, арсенал неплохой. Тут еще часть имущества Росгвардии находится на хранении. Для нее здание выделили на Комсомольском, но, как обычно, там еще конь не валялся. Далее, выше на четыре улицы, начинается территория всяких складов, жрачка там и прочее. А эти за семьями ездили. Сейчас сколько смогли, собрали. Ну тут и будут обживаться. Точнее, надеются пересидеть кипеж, а потом уже осмотреться и принимать решения. В обычных же домах совсем небезопасно, ночью уже до всех дошло, что ни железные двери, ни высота этажей для тварей не преграда. Вот их командиры и решили на такой финт. – Подумал и добавил: – Ушами.

– Разве плохо придумали?

– Да нет, хорошо. Все просто отлично и бесполезно, – явно саркастично сказал Цемент, неожиданно ощерился зло, почти прошипел: – Знаешь, меня радует, что все эти суки в конечном итоге сдохнут!

– Это почему? – неподдельно изумился я.

– Кто это? Это специально обученные люди, которые должны защищать население от всякого дерьма, за что им выплачивается зарплата из бюджета, за что им дается множество разных ништяков как в мирное, так и в военное время! Бюджет формируется из наших налоговых отчислений.

ФСБ, МВД, армия, наконец, созданы для защиты на-се-ле-ния! Не, млять, каких-то своих семей, не семей своих генералов, но всех, мать его так, россиян. Что мы видим здесь?

– Ну, это обычное дело. Человек сначала защищает свою семью, потом уже остальных. Что не так?

– У них, мать его, присяга! Хочешь заботиться о семье, вали куда угодно, но не в армию и прочие силовые структуры! Туда тебе ход заказан! Все! Точка! А это крысы! Реальные крысы, паразиты на теле общества, которые, и когда все нормально было, рвали наши деньги, при этом сам народ-богоносец в хрен не ставя. Люди по разным углам ютятся, работы нет, а эти по Москве шествие на «геликах» устраивают. То есть срут на тех, кто их кормит, поит, одевает. И сейчас, когда от них требуется защита, поступают так же, по-крысиному. Это здание может вместить не одну тысячу человек! Ты где-то видишь сотни автобусов и машин?! Нет? Вот и я не вижу, – неожиданно взял себя в руки в конце спича он, зло сплюнул на пол и вдавил прямо в пластик подоконника сигаретный бычок. Завоняло жженой пластмассой.

– Но это же, сам говоришь, бесполезно.

– Они об этом пока не знают, – категорично заявил тот.

– А чего зависли, не заезжают?

– За ними тварь, похоже, увязалась, оторвались немного. – А потом ткнул пальцем в «Тигр». – Вот зачем они «АГС» тут поставили, идиоты?!

– Что тебе не нравится?

– «АГС» – говно, – сказал как отрезал Цемент.

– Это еще почему? – искренне изумился я: ценился он у негров, и даже очень.

– Потому! – веско заявил он, а потом добавил: – Против человека – не спорю, действенная штука, но против зараженных не котируется. Во-первых, какой у него боеприпас? Тот, «ВОГ»! Осколки легкие, взрыв слабый. Они даже если рядом с пустышами будут ложиться, тем хоть бы хны. Уязвимых точек мало: головной и спинной мозг! На остальное тварям плевать, шоку не подвержены. Того же лотерейщика даже не поцарапает, если только прямо в него гранатой угодят, даже в таком случае эффекта ноль. Сча его обязательно зацепят! Вот увидишь! Товар неплохой, специфичный. Можно было и его прихватить. Но он против человека нацелен, против тварей миномет не всякий хорошо работает. Сейчас увидишь, кто из нас прав. Пойдем только на лоджию, обзор там – зашибись.

Действительно, рассматривать с огромной лоджии – не у всех бюджетников такие комнаты в квартирах бывают – проспект было гораздо лучше. Хоть и не триста шестьдесят и даже не сто восемьдесят, но многое можно было увидеть.

– Наблюдай! Только сильно не высовывайся.

Ждали мы недолго, минут пять от силы.

На проспект с боковой улицы, со стороны бэтээра с пушкой, выскочило огромное чудовище, за ним, чуть отставая, неслись еще двое, но поменьше. Люди внизу посыпались из

боевой машины, заученно вставали на одно колено, брали на прицел тварей. И сразу грохнула пушка, хорошо долбанула, так и посыпались в близлежащих домах стекла. Первый снаряд ушел правее главной элиты. Попав по двухсотому «Ленд-крузеру», отчего тот рванул, пусть не как в фильмах, но все равно нехило. А пушка продолжала обстрел вместе с пулеметом «ПКТ». К ней присоединился и «АГС» «Тигра». Хлопки «ВОГов» не нанесли тварям никакого урона, прав оказался Цемент. Зато пару гранатометчик положил прямо в окна первого этажа жилого дома. Даже показалось, что вместе с дымно-пыльным облаком, вырвавшимся из окна, мелькнули и кровавые брызги.

Автоматчики без всякого результата поливали огнем приближавшихся чудовищ. Все же стрелок из пушки смог влить в голову и грудь первой элите несколько снарядов. Она будто в стену врезалась сначала, но мощные конечности все равно швырнули вперед на несколько метров уже мертвую машину смерти. После чего, грохнувшись на асфальт, здоровенная туша проехала метра полтора юзом.

– Есть! – заорал от избытка чувств Цемент. – Ты смотри, матерую элиту завалили! Это очень и очень круто, майн френд! Молодцы, ребята, я вас почти люблю!

Надо же, а я думал, это скотина бездушная, а тут переживает, болеет за наших. Вторую здоровенную тварь тоже успел приложить БТР, а вот третья, не сбавляя скорости, врезалась грудью в острый нос боевой машины. Отчего он задрал-

ся вверх, тяжеленный бронетранспортер встал градусов на семьдесят пять и, чуть заваливаясь, развернулся на задних колесах, высекая искры из асфальта отчего-то открытым десантным люком.

Чудовище же взмахнуло лапой, и трое бойцов с автоматами покатались в разные стороны. По элите вел огонь спецназ без всякого результата. Тварь попросту не обращала на обстрел никакого внимания, а технично занималась делом – выводила из строя боевую технику. Как-то нелепо, уперевшись в асфальт передними лапами, задними лягнула «Тигр» с «АГС», тот даром что семь тонн весом, только покатился, переворачиваясь через крышу.

А монстр уже прыгнул с места вперед и вверх. Видимо, пытаясь оседлать второй БТР, который лупил короткими очередями в другую сторону. Что происходило на другой стороне проспекта, было не видно, а высовываться... Нет уж.

Тварюга была еще в воздухе, как от КПП рядом с открытыми воротами рванул к ней дымный росчерк. Рвануло неплохо, отбросив в сторону монстра, тот забился в агонии.

– Ни фиги себе! Не, ты это видел, а?! – восхищенно прошипел Цемент. – Вот ведь, мля, Голливуд отдыхает! Не, ну дела-а!.. Вот это гранатометчик! Да-а, за такого самородка любой командир стронгов многое бы отдал! Надо же, в полете залепил! Элите! В полете! Вот сука!

После чего он уж совсем в лучших русских традициях выразил восхищение работой гранатометчика. Бой между

тем и не думал заканчиваться. Наоборот, усилился. Автоматы оставшихся в живых бойцов спецназа не затихали ни на секунду. Короткими гулками очередями долбил «КПВТ», пушка больше не стреляла, зато «ПКТ» теперь почти захлебывался. Казалось, тварей не остановить, складывалось такое ощущение. Элита закончилась, но за ней держалась целая стая других зараженных.

– Вон видишь, это четыре матерых рубера, вон два средних, лотерейщиков не меньше десятка, семь топтунов и двенадцать бегунов. Это кого я насчитал. Матерая элита – вожак их своих подопечных в последний и решительный бросил, перед тем как сдохнуть, теперь или они, или ФСБ.

Показанные руберы двигались с невероятной скоростью, петляли, прижимались к домам и даже совершали дикие прыжки, отталкиваясь от оконных проемов первых этажей. Защитники здания ФСБ стреляли и стреляли по ним. БТР с «КПВТ», видимо закончив со своей стороной, прыгнул вперед с густым солярным выхлопом, толкнул какую-то иномарку и встал так, чтобы другая боевая техника не перекрывала ему сектор обстрела, при этом еще при рывке разворачивая башню в нужную сторону.

И сразу: ду-ду... ду-ду-ду... ду-ду.

– Мля, одни профи, таких бы муров резать – цены не было, – опять высказал свои ощущения Цемент.

Но стрелок попал только в одного. При этом сколько пуль, хотя с калибром 14,5 правильное, наверное, будет снарядов,

ушло в городские квартиры... Опять хорошо выступил гранатометчик, уже перебежавший к БТР с пушкой, противотанковая ракета разорвала напополам одного рубера, третьего достали из «ПКТ», а вот четвертый ворвался в ряды бойцов, которых осталось человек семь.

Меньше секунды он творил что-то, было не разобрать, но в итоге в разные стороны полетели человеческие руки, ноги, головы. Миг! И остатки подразделения спецназа перестали существовать. Это было страшно. Профессиональные, тренированные, обстрелянные и прошедшие не через один ад бойцы не успели ничего предпринять. Что говорить о простом человеке? Да, я держал себя в форме, да, где-то занимался, но надо четко отдавать себе отчет в том, что по сравнению с ними и спортсмены просто увальни.

В это время через ворота вылетел «ЗИЛ» «Каратель». Водитель с визгом покрышек почти на месте развернул тяжелую машину параллельно твари. Боевой автомобиль еще не остановился, а из открытых бойниц принялись садить дружно автоматы. С рубером было покончено. Остальные зараженные, по словам Цементы, особой опасности не представляли, поэтому их положили на подступах точным огнем. После чего оставшиеся в живых быстро закидали своих убитых и раненых во чрева бэтээров, затем боевая техника скрылась в воротах, которые потом закрылись.

– Ну, как тебе боевичок? – спросил Цемент, подкуривая сигарету. – Хана «АГС»... Дебилы, мля.

– Впечатлил. А чего твари ни с того ни с сего вдруг ломанулись сюда? До этого же тихо было, или они за ними пришли?

– У многих матерых зараженных есть свои умения, как и у нас. Так, некоторые из них могут чувствовать скопление живых людей. Зачем по одному-два из квартир выколупывать, когда можно сразу до кучи еды добраться? Тут же человек сто. Плюс в прошлый раз суперэлита еле ушла отсюда живой, вот решила отомстить. А может, и нет, как их по ромам различишь? Как себя чувствуешь? Мутит?

Я кивнул, тот посмотрел на часы, пошевелил губами, кивнул сам себе, а мне сказал:

– Надо еще тебе лекарства выпить, а то можешь до часа X не дожить. Сейчас все сделаю, потом порубаем, чем Улей послал, и вперед, за орденами. Нехило нам стригли капусты бойцы ФСБ, хоть какая-то польза для честного рейдера.

Мне вдруг резко поплохело, перед глазами плыло, по стенке медленно-медленно зашел в квартиру и сел на диван. Похоже, сдохну... И тут же родилась в душе злоба: не дамся!

Вернулся мой товарищ минут через десять. С литровой банкой с какой-то резко отдающей уксусом жидкостью.

– Давай ее принимай, – сунул мне в руку иссиня-черный кругляш. – Вот этим запивай, потом еще живца не больше трех глотков.

От живота вверх сразу поползла волна тепла, объяла все тело, после же уксусной банки едва не вывернуло, а уж когда

запил все живцом, пришлось прикладывать немало усилий, чтобы все не выплюнуть обратно. Вместе с последним глотком накатила такая дурнота, что едва не свалился, если бы вновь не уцепился за стену.

– Сейчас, потерпи немного, все в порядок придет, максимум минут пять-десять, – заявил Цемент.

Пока я выпал из реальности, он успел разогреть две банки тушенки с двумя же банками перловой каши. Разделил все по двум фарфоровым тарелкам с зеркальным дном и, показывая пример, закинул в пасть первую ложку. Я уже достаточно пришел в себя, чтобы почувствовать зверский голод, поэтому ел так, чуть руками не помогал. Минута или две – на меня смотрело мое отражение в пустой тарелке. Думал, чего бы еще перекусить, однако после пищи, от того что не спал уже третьи сутки, потянуло в дремоту. На душе сделалось хорошо-хорошо, будто бы и нет за окном никакого конца всего старого мира, старого света... и дивного нового.

– Не спи – замерзнешь! – потряс меня за плечо Цемент. – Все, глянул я, переродились товарищи красные комиссары! Выдвигаемся, но осторожно. Следуй за мной, без команды ни во что не пали! Ясно? А лучше вообще ничего не делай. – Я кивнул. – Раз ясно, тогда двигаем. Должен уже в себя прийти, почти полтора часа в отключке проболтался.

Перед выходом он навернул на «ярыгина» длинную и толстую трубку глушителя. В две минуты прикрепил ЛЦУ и фонарь, которые достал из сухарки за спиной.

– Можно и холодняком обойтись, но надо спешить, – сказал мой партнер. – Могли пустыши на лестничную площадку повылазить, ну или из низших кто.

Я повесил «АКСУ» за плечо, в руки тоже взял пистолет. Привычной. Хотя какой стрелять, нет-нет и бросало в дурноту, терялась картинка. Деньги оставил в квартире туриста. Миллион долларов – плата за постой. Кому скажи?

Цемент спускался быстро, но при этом ни на секунду не выпуская из зоны видимости ничего. Глядя на его плавные, четкие движения, приходило понимание, что подготовка у него на высоте, как бы не круче, чем у давших бой тварям спецназовцев. В подъезде нам никто не встретился. Лишь во дворе метрах в пятидесяти перетапывались на месте четверо зараженных, но на них напарник не обратил ни малейшего внимания.

– Далеко, хрен бы с ними, а к элите все равно не сунутся, ссат они ее, пусть она и дохлая, но всех пугает, – пояснил он мне.

Короткими перебежками, затаиваясь и укрываясь за всевозможными укрытиями, мы добрались до места боя. Я думал, что Цемент сразу бросится к воротам, подспудно ожидая «приветственной» очереди от выживших, но он добрался до последних зараженных, которых убили фээсбэшники.

– Ты смотри вокруг, потрошить буду. Споран горошину бережет. – Я вертел головой по сторонам, но и за партнером наблюдать не забывал. Вот он воткнул нож в огромный

на рост на затылке у лотерейщика, если не ошибался я в их классификации, разрезал споровый мешок, напоминающий чеснок, по долькам. Достал оттуда какую-то темную массу, быстро перебрал ее, четыре сине-зеленых горошины обернул в вату и убрал в тонкий пластиковый контейнер, который извлек из разгрузки.

– Не повезло, пока только спороны, и то как с козла молока, – прокомментировал он добычу.

Так и стали продвигаться к туше элиты. А мне становилось все хуже. Пришлось сделать несколько глотков живца из пол-литровой пластиковой бутылки.

– Охренеть! Дайте две! – радостно прошипел Цемент, когда вскрыл и перебрал споровый мешок элитного монстра. – Тут есть все! Прикинь! Восемь жемчужин, три черные, пять красных, – потряс у меня перед лицом теми самыми красными и черными кругляшами, которые до этого мне же и скормил. – Я тебе скажу так: сорок процентов рейдеров в глаза жемчуг не видели и даже за черный готовы хоть мать продать! Янтаря до жопы! Двадцать две горошины, споронов почти четыре десятка. Матерая, матерая тварина, давно, видимо, воздух коптила! Ты просто не представляяяяяшь. – Последнее слышалось мне как зажеванная магнитофонная пленка. Был раньше такой девайс, в моем юности ценимый. А затем все утонуло в радужных пятнах и в темном мареве.

Глава 3

Д'Артаньян

...Очнулся я от того, что на мое лицо лилось что-то холодное и мокрое. Потом дикая встряска, и чей-то голос пробился будто сквозь ватную подушку:

– Давай-давай, урод, не подыхай раньше времени! Ну, мать твою, очнись же. – Тупой болью отозвалась сначала левая щека, затем правая. А потом будто разом резко включили все ощущения. Болела каждая мышца, голова раскалывалась.

– О-о-о! – восхитился кто-то. – Давай-давай, родной, глотни живца, сча полегчает.

В зубы уткнулась пластиковое горлышко бутылки, а затем вонючая и противная жидкость уперлась в пищевод, я сделал рефлекторный глоток, второй, третий, четвертый... Тут горлышко пропало.

– Хватит пока, вижу, в себя приходишь, живец оставляю. Скоро буду, не скучай, друг, а то я чуть-чуть не обосрался, что напрасно столько потратил...

Что-то лязгнуло, послышались шаги. С каждой минутой мне становилось все лучше и лучше. Вот смог приподняться на локте, встать на четвереньки, затем опереться одной рукой на шершавую стену. Нашарил рядом полторашку, сделал

еще три глотка.

Через пять минут я хоть и неуверенно, по стенке, но смог подняться на ноги. Перед глазами все плыло, временами будто резкость в фотоаппарате наводили. Встряхнул головой, вновь сделал четыре глотка.

Все негативные ощущения пропали.

Осмотрелся. Я находился в типичной камере предварительного содержания, вместо одной стены которой была толстенная, не тоньше чем в руку, металлическая решетка. В углу кучей были навалены трупы спецназовцев и каких-то гражданских. Не меньше пятнадцати человек. Ощупал себя, вроде бы в порядке. Какой-то занозой в голове ощущалась некая неправильность происходящего. Точно! Оружие! Я был абсолютно безоружен, пустая кобура, в карманах нет «ПММа», и «АКСУ» рядом не наблюдалось.

В широком коридоре за решеткой камеры почти у самого потолка узкие длинные окна, заложенные стеклоблоками. Света не так много, но хватало, чтобы рассмотреть окружающее. Напротив камеры находилась куча разных вещей, в основном разнообразное оружие, увидел там и свой пистолет, он лежал рядом. Несмотря на толщину решетчатой двери и решетки, служившей стеной, руку между ними можно было засунуть и дотянуться, пусть и изловчившись до навесного замка. Обычного магазинного! Двадцать первый век и нанотехнологии в деле.

В это время что-то лязгнуло, затем раздался скрип дав-

но не смазываемых петель, вновь лязг, звук проворачиваемого ключа в замочной скважине. Затем, пыхтя, показался Цемент с огромными сумками.

– Пришел в себя? – радостно улыбнулся он, и хоть улыбка была не наигранной, но она настораживала. – Хлебни еще живчика.

– Да все в порядке, можешь выпускать.

– Выпускать? – деланно удивился тот. – А с чего ты решил, что я этим буду заниматься? И так чуть в штаны из-за тебя не накидал, когда думал, ты все, отъехал, чуть не заплакал, плакал, думаю, мой жемчуг... А ты – выпускать! Нет, друг, придется сидеть.

– И как это понимать? – спросил я.

– Это элементарно, Ватсон, – хохотнул Цемент, вот только глаза у него оставались при этом серьезные. – Теперь могу посвятить тебя во все нюансы нашего совместного с тобой дела. Да, дела, Дела с большой буквы, Дела с больших букв. Но сначала расскажу тебе одну занимательную историю. Как-то с год назад совсем недалеко от этих замечательных мест довелось мне наткнуться на остатки научной группы Постигающих, это типа наших КАНовцев или институтских, но сами по себе. Да, они крутые, как вареные яйца, но в Улье от везения зависит не меньше, чем от всех знаний и прочих хитростей. Им не повезло. Долбанули по ним чем-то дальнобойным и мощным, может, даже ракетой. Не помогли и ресовские примочки, есть тут такие внешники из нолдов.

Куча мяса, оборудование почти все в труху. Однако одному из них удалось выжить в той заварухе, то ли он сам навел на своих же арту там или еще что, то ли просто посчастливилось, вот только дальше не повезло фатально. Рубера мате-рого проглядел, тот ему головушку смахнул. Ну, а рубера я уже приголубил. Яйцеголового обыскал, при нем мало чего полезного обнаружилось, но вот флешка была с инфой очень и очень интересной, а еще приборчик один. Не буду ходить вокруг да около, но пытались они вырастить элиту. В неволе зараженные отчего-то не желают развиваться. Воздух свобо-ды им, понимаешь, подавай.

Впрочем, для научной мысли нет никаких преград. Вот и придумали эти товарищи накормить черным или красным жемчугом того, кто сто процентов переродится в пустыша, в том же кластере. Мысль, с одной стороны, была самая простая: подстегнуть процесс инфицирования путем резко-го вливания кучи спор паразита. Уверен, пробовали многие, хоть и накладно это, но результата не было. А почему? Ока-залось просто. Место должно быть со специальной энергетикой, интенсивность которой и измеряется по приборчикам. В итоге Постигающие таких мутантов получали даже по мер-кам Стикса, что волосы дыбом. Как тебе башка матерой эли-ты у обычного рубера? Молчишь... Ну, да ладно.

– А дальше? – Мозг лихорадочно работал. Оружия нет, трупы пустые. Вон их вся снаряга в куче болтается. Да и не успею я ничего сделать, будь в руках автомат. Слишком

быстрый товарищ попался.

– Перед смертью не надышишься, но слушай дальше. Процент неудач, кроме правильного места, зависел от жемчуга. И как выяснил уже я, от... – Тут он опять картинно приложил палец ко лбу. Мыслитель, падла. Цемент тем временем улыбнулся довольно и добродушно. – От... от реципиента! Во, мля, вспомнил! Бывает, на языке вертится, а вот вспомнить слово не можешь, чисто лошадиная фамилия. Все строго по классике. Итак, продолжим. С черным – где-то семьдесят на тридцать, а с красным – девяносто на десять. Еще одно главное условие: чтобы кластер нормальный был, то есть перезагрузка раз в полторы-две недели происходила, а обращение – от суток до полутора. В итоге смогли получать с выращенного уродца до десяти жемчужин. А это не у каждой крупной и матерой твари найдешь! Сам видел, прежде чем отрубиться, что с того здоровяка, которого, на радость мне суки фээсбэшники завалили, всего восемь было. Тварь же матерая, долго небо коптила. А тут с рубера, пусть и мутанта, такой выхлоп! И знаешь, во мне тоже эдакий ученый проснулся, вот это подземелье нашел, точнее, оно на карте помечено было как перспективное место, с приборчиком долго шастал, пока нужные показания в нужном месте слились в экстазе. Первый, к слову, эксперимент вышел очень удачный – когда попался мне на пути некий Валерий Львович Терентьев, в миру известный как Вальтер. Догоняешь?

Вот сука, сейчас у меня мысленно мелькали диалоги, где

этот тип почти проговаривался. И не раз! Картина сложилась, все стало ясно, знал много он от моего двойника, только не в стабе с ним пил, а похоже, так же поступил. А я замечал нестыковки в речи, но не смог уцепиться за эти ниточки, слишком, с одной стороны, мало информации, а с другой – просто нереально много.

– Получил я ровно десять жемчужин: четыре красных, шесть черных. Спороны, янтарь и горох даже упоминать не стоит. Много, очень много. Там споровый мешок почти как мяч. Кушал новорожденный Вальтер за троих, большой мальчик вырос, но неоперившийся, глупый-глупый. Поэтому завалить его труда не составило, да и решетки тут знатные, при царях делали. Не тяп-ляп. Но бохато со свинки сало натопили.

Второй раз поймал первого попавшегося забулдыгу. Все тоже прошло хорошо, но в итоге всего четыре жемчужины, в третий – полный провал, в четвертый опять хмыря из алкашей, с того вообще выхлоп как с коня молока. Но мы ведь не пионерия, чтобы с матерых жеребцов нормы кумыса закрывать? Поэтому стал я думать. Тенденция, однако, проступила. Вот я и решил тогда тебя специально поискать. Холеного, здорового, выращенного на экологически чистых продуктах. Чем черт не шутит, дай, думаю, проверю гипотезу. Ну, не именно тебя, а твоего, так сказать, астрального двойника. Нашел. В том же месте, в то же время. Опять получил почти десять жемчужин. То есть ты, друг, – золотое дно. И

так шесть раз после последнего случая! Работает все точно, как часы. Лучшие! Еврейские! Курочка Ряба, мать его какая-то, – тут он довольно хохотнул.

– Понятно, – усмехнулся я, хотелось орать, выть, ругаться, но смог себя перебороть. Отошел к стене, где вповалку лежали трупы, закрыл глаза, досчитал до сотни. А ведь они для меня приготовлены, вот сука-то какая заботливая... Убить бы, оживить и снова убить, и так много-много раз!

– Ни хрена тебе не понятно! – уже в голос заржал тот. – Сегодня еще один эксперимент намечается. Вальтер, я ведь все посчитал, посмотрел, не успеваю к сроку нужную сумму насобирать. Ну и сам решил научную деятельность продолжить. Повезет – значит, очень и очень круто, а нет – так в любом случае еще больше полутора лет ждать.

– Что за эксперимент и чего ждать-то? – на автомате задал я вопросы, хотя ответ на них меня не интересовал совершенно.

– Эксперимент заключается в том, чтобы скормить будущему пустышу не одну, а две жемчужины: красную и через определенный срок черную. Все это обильно сдобрить живцом, по расчетам тех Кулибиных, должен был быть результат. Главное, чтобы реципиент до срока, то есть до перерождения, от передоза не скопытился. Тут какой момент? Употребление сразу двух жемчужин – чистый яд. Стопроцентное фаталити. Но Постигающие выяснили, что смерть зависит от времени приема. Две сожрал с перерывом в секунду, через

секунду и сдохнешь. Если между приемом прошел час, через час загнешься. И так далее. Причем тут есть хитрость. Надо черный жемчуг раствором двух горошин залепить сверху и живцом все дело подправить. И все сделать не дольше чем за четыре часа до перерождения в тварь Улья. Как ты понял, твое состояние я уже могу по минутам предсказывать. Поэтому и решился. Синиц в руках уже достаточно, а мне журавли нужны. Так как по теоретическим выкладкам выхлоп с удачного эксперимента должен был превышать обычный результат втрое, плюс не двое суток ждать, а всего одни. Вот и проверим...

– С этим разобрались. А зачем тебе все это надо? Жемчуга ты и с элиты, которую фээсбэшники завалили, хапнул неплохо.

– А затем... Сам я, товарищ Вальтер, сюда попал ну с оочень затянувшейся соты, раз в полтора года грузится. Сроки уже подходят. Дочь там у меня была, хорошая девочка. Ласковая, умная, семнадцати лет от роду. Ее хочу спасти. Очень хочу! Белый жемчуг же штука очень редкая, и цену за нее один барыга загнул непомерную, но реальную. Скушаешь такую жемчужину, и даже если ты не иммунный, то им становишься.

– Вот оно что... А на фига тебе тогда эксперимент этот? Руби потихоньку, да и все. Или МНС⁹ в тебе пропал?

– Да не ерничай, не заденешь. Кого могут волновать сло-

---

⁹ Младший научный сотрудник.

ва трупa? – патетически и довольно наигранно заявил Цемент. – А спешить надо. Здесь Улей, а не детский сад. Я же и так старожил, боюсь не успеть к следующему разу – сдохну. Главный смысл же человеческого бытия – в продолжении рода. Спасу дочь и умру со спокойной совестью. Радуйся, хорошему делу послужишь. Ладно, посиди часок, а я пока огляжусь. Трофеев пособираю, курочка, как говорится, по зернышку клюет. Не мутит? То-то и оно.

Действительно, мысли разбегались, пол чуть покачивался, в прозрачном мареве нет-нет и начинали мелькать разноцветные искры. Неужели хана?

– Не дожدهшься, – усмехнулся я, постарался вложить в выражение морды лица всю гнусь, на какую способен. – Вот ты скажи, а если я не перерожусь в тварь, нормальным останусь, что делать будешь? Ведь тогда я, по понятиям Улья, свежаком буду. А правила Стикса вы нарушать не любите. Как ты говорил – «Закон». Тем более, так понимаю, тайна страшная – твои знания.

– За нее будут яйца год резать и кожу снимать, пока не убедятся, что все рассказал. В любом стабе, любая власть, любой рейдер. И как все узнают, грохнут без сожаления. Даже наш Князь, несмотря на то что о народе радеет. Просто есть тайны, а есть Тайны с большой буквы, с больших букв. Сам-то прикинь, жемчуг – это все равно что брильянты на Земле, еще дороже, потому что брильянт – это чистое эстетическое наслаждение, а жемчуг – он твой Дар на новый

уровень выводит и еще не одно умение открывает. Тут же их получение можно на поток ставить, и довольно безопасно. Сколько жемчужин ушло у Постигающих, чтобы просто выяснить, через сколько времени человек умирает при приеме сразу двух жемчужин? А я скажу – до черта, на эту сумму можно стаб неплохой организовать. Информация же о каких-то полях и их интенсивности вообще за гранью! Я до нахождения этого прибора не знал, что в природе такое существует, да и сейчас смотрю на шкалу, где разметка до тысячи Т, а вторая до трехсот WW. Что это такое – не знаю. Теперь представь, сколько надо было поставить экспериментов с тем же жемчугом, чтобы получить необходимый результат? Ресурсы по охране экспедиций, тут ведь не лаборатория с защитой и прочим, здесь Пекло. И прочее, прочее, прочее. Ну, а если Постигающие узнают о том, что информация на сторону ушла, нигде и никогда от них не скроешься. Всех зачистят в ноль. Хоть и не килдинги, но в нашей части Улья вес имеют.

– С этим ясно. Но вот ответ все же: если я выживу гипотетически, не стану тварью? Как быть?

– А у тебя нет шансов в любом случае, прием двух жемчужин подряд да еще за такой короткий срок – любого к праотцам отправят. Станный ты сегодня. – Усатый опять осклабился. – Но если вдруг оказался друг... Гипотетически, так сказать... Я же говорил, есть тайны, а есть Тайны. Возьму грех на душу. Дочь важнее, да и сам я хочу еще землю по-

топтать.

Я скривил губы в усмешке. В голове набатом только одна мысль: вот это я попал!

– А где же обвинения, мол, на все готов за жемчуг! Что, мол, сука позорная?! Что крыса реальная, а не фээсбэшники, – совсем неожиданно истерично прошипел Цемент.

– Зачем? Поможет разве? А про суку ты и сам все знаешь, как и про крысу.

– А я дочь хочу нормальной видеть! Понял, да? Тебе не понять, когда она на твоих глазах превращается в тварь, которая только и хочет жрать, жрать, жрать всех вокруг! Так что... Ладно, до встречи в следующий раз...

– Еще один вопрос имеется. Пока не ушел.

– Ну... – недобро посмотрел он на меня.

– Почему Цемент?

– Что? – не понял тот.

– Почему тебе дали имя – Цемент?

– Вот что за хрень в твоей голове сегодня происходит?!

Какая, на хрен, разница?! – изумился неподдельно тот, даже глаза округлил, но потом усмехнулся в своей обычной манере. – Да ладно, посчитаем это последней просьбой смертника. Так вот, я на глазах у своего крестного мента завалил, меня они в прошлой жизни задрали! Тоже хозяева жизни, типа тебя! Ненавижу всех! А этот еще наш участковый был, герой, мля, моего племяша на десятку определил ни за хрен собачий, люди переродились, считай, все в зомбаков, этот же

здоровьем пышет... Столько друзей, знакомых, дочь... А тут полная лажа! Нет в жизни справедливости, вообще нет. Пока в свои руки ее, родимую, не возьмешь! Племяш же у меня отличным мужиком был, всегда помогал. Ну пил, ну жене порой в ухо давал, так за дело же, с тем же ментом шашни и крутила. Я отомстил. Как в кино, с дробыша башку снес! – Тут он улыбнулся мечтательно, будто что-то хорошее вспомнил. – До этого недавно с Украины приехал, вот и говор был, часто суржик проскакивал. Крестный спрашивает меня: зачем? А я ему, так цэ мент же, объяснился, тот меня правильно понял, но Цементом окрестил.

– То есть патрульных ты просто завалил? И никаких зверств они не творили?

– Они по определению звери! Может, и не успели сотворить, а может, и творили... Стопроцентные будущие муры, кто форму надел, тот и не человек вовсе, тварью он уже тогда стал. Только не как в Улье – принудительно, а добровольно. Еще вопросы?

Отрицательно помотал головой.

А Цемент пошел по коридору в направлении выхода, там долго гремел запорами на железной двери, потом она хлопнула, вновь скрежет проворачивающегося ключа. И тишина. Меня же мутило, знобило, а еще слабость накатывала, иногда к горлу содержимое желудка подкатывало, но сил преодолеть барьер не было, точнее, я пока держался. А еще с тупыми ударами пульса в висках накатывала злоба. Не думал,

что она такой всепоглощающей может быть. Еще и сам себя клял, нет, когда эта тварь цементная в комнате спала, из того же ментовского укорота положить психа, и все. Сразу чуял гниль... С другой стороны, спал тот вполглаза: когда я проходил мимо в ванну кофе ставить, каждый раз на себе взгляд чувствовал.

Вновь посмотрел на трупы. Отчего-то взгляд сфокусировался на молодой, даже после смерти красивой женщине. Длинная шея, разметавшиеся волосы, точеный профиль. Она лежала, будто спала. И я должен буду их жрать после перерождения?! Сердце столько адреналина в кровь качнуло, что я даже вскочил. Хрен я тебя сожру, тварь позорная!

Живчик.

Глоток, глоток и еще один – сверху!

Видимо, моим предшественникам было на порядок хуже, чем мне, или мы все же различаемся. Очень различаемся. Куча инструментов под рукой, с помощью которых можно открыть замок, а они даже из камеры не выбрались. Хотя и сожрал я вместо одной две жемчужины. Может, в этом дело?

Ремень у меня толстый, кожаный, ручной работы, с отличной пряжкой. Вот одна ее часть при легком, но хитром движении руки превращалась в тычковый нож с лезвием около семи сантиметров.

Размер ноги – сорок пять. К чему это? К тому, что, стянув правый туфель, я ножом принялся разрезать шов, скрепляющий рант и толстую подошву. Когда не знаешь не только в

России, но и в африканских пампасах, где можешь оказаться на следующий день, то стараешься предусмотреть многие варианты. Тем более от сумы и тюрьмы не зарекаются. Особенно учит подобному жизнь. Довелось в очередную революцию у негров посидеть в местной тюрьме, пока новая власть разбиралась со старой. Думал, там и останусь. Но зарок себе дал: если выживу – научусь всему, что в таких ситуациях требуется. А в это время здоровенные имбецилы из мятежников чистили клетки для новых постояльцев. Старых не к стенке, а к длинной канаве вели, там под ржач расстреливали, а на их места новых посетителей загоняли пинками и дубинками. Концлагерь еще тот. И когда через месяц вышел на свободу, первое время еще долго готовился на все случаи жизни. Сегодня ты Князь, завтра грязь, и наоборот, причудливы жизненные ухабы.

В тайнике все было на месте. Вот две отмычки. Еще десять сотенных вечнозеленых, в каблуке больше четырех метров прочнейшей толстой лески. Можно, если что, особо ретивую суку придушить во сне. Сложил в несколько раз, и все. Двадцатисантиметровая тонкая спица, ткнешь под лопатку – инфаркт миокарда обеспечен. Кому надо проводить вскрытие зэка без внешних повреждений? Пилка по металлу, тоже не из хозмага, а на заказ сделана, там же, где туфли шили. А в левом только наши, русские, пятитысячные, но набор почти идентичный. Отмычки из лучшего металла, длиной около десяти сантиметров каждая. После африканской тюрь-

мы прошел я практику по открыванию замков подручными средствами у одного мастера своего дела, две штуки наука встала. Пусть медвежатником не стал, но с квартирной дверью справлюсь, а уж с простым магазинным навесным замком – плевое дело. Вот только руки ощутимо подрагивали. Пришлось хлебнуть еще живчика. И опять полегчало.

Замок, к моему ликованию, поддался с первого раза. Выщелкнулась дужка. Все, я на свободе. Бегом бросился к куче барахла. Первым делом проверил свой пистолет, вновь загнал патрон в патронник, подобрал выпавший, вставил в магазин, тот на место и на предохранитель, убрал в кобуру. Порядок.

Что у нас имеется? А имеется целый арсенал. Из кучи почти сразу вытащил «АК-103» в обвесе, проверил магазины спарки. Отщелкнул каждый от каплера, взвесил на руке, который тяжелее, там соответственно патронов больше, некогда их выщелкивать, а потом набивать. Цемент в любой момент вернуться может. Вставил на место магазин, передернул затвор – и на автоматический режим. Почти бегом бросился обратно к камере, закрыл на замок дверь, чтобы через досмотровую прорезь железной двери, ведущей в эту тюрьму, не наблюдалось никаких отличий. Сам принялся выбирать позицию. Лучшая оказалась рядом с дверью. Мертвый сектор для просмотра, плюс дверь открывалась не до конца, и зашедший обязательно будет ее закрывать обратно. В этом момент его и можно подловить.

Затаился. С каждой минутой мутило все сильнее. Так успею переродиться и не успею отомстить. Это злило. Весь мир сузился до сектора обстрела, а все мысли были только об одном. Убить! Убить тварь! Убить суку! Она хуже любого мутанта! Цемент! Будет цэ грунт! И ведь тварь, как в голове что уживалось, не конфликтуя, идеологическую базу под убийство подвел, честный рейдер, д'Артаньян.

Цемент подвела привычка. Да как и меня: в том мире, когда все идет все без сучка и задоринки, действуешь просто, не оглядываясь, не страхуясь. Оказалась даже моя предусмотрительность в виде защелкнутого на место навесного замка лишняя, он не заглянул в специальное смотровое отверстие, закрывающееся с той стороны. Долго ковырял в замке ключом, потом со скрипом открыл дверь, что-то втащил тяжелое, начал закрывать... До его затылка было меньше сорока сантиметров, поэтому я без обличительных и патетических речей просто надавил на спусковой крючок автомата, отсекая три патрона. Надо отдать должное: этот рейдер был матерым волчарой, в последний момент что-то почувствовал, я видел, как напряглось его тело, но ничего тот больше сделать не успел.

Остроносая тяжелая пуля на скорости примерно семьсот метров в секунду вонзилась в затылок, плеснув красным на пол и стены, отрикошетив со звоном от железной двери, улетела куда-то дальше по коридору. Остальные две пули, пролетев мимо цели, едва не поразили меня самого точным ри-

кошетом. Одна прожужжала рядом с ухом, которое ощутимо обдало потоком воздуха, вторая... не понял, но тоже близко. Впрочем, мне было плевать. Главное, своей цели я достиг! Таланты Улья не помогли в данном случае Цементу. Без мозгов даже, как он говорил, матерая элита не живет, хотя у него получалось.

Последнее, что успел сделать, прежде чем сдаться заразе, с которой организм боролся с переменным успехом, – закрыть дверь на ключ. Потом опустился по стенке на пол. Одна из самых радостных мыслей была донельзя злорадной и абсолютно антигуманной. После перерождения я сожру труп своего врага... Главное – до той девочки в камере не добраться. Спасибо тебе, милая, без тебя вряд ли я смог бы это сделать. Даже после смерти смогла помочь. Вон как тогда меня подвигло на поступок. Стоп! Если я превращусь в мертвяка и сожру Цемент, то эволюционирую. А если смогу сломать дверь в камеру? Там же будет для меня корм! И эта девушка.

И мысль набатом: так нельзя!

Дотянулся до пистолета под мышкой, ухватил удобную рукоять, потянул, но он не поддавался. Видимо, сил совсем не осталось. Тяжелый-тяжелый, он и раньше пушинкой не был, но теперь...

– Да отцепись же ты, сука! – прошипел, чуть не плача от бессилия.

Застрелиться я не успел...

Глава 4

Кельтский крест

В себя я пришел резко, разом, как будто из омота вынырнул.

Открыл глаза и едва не заорал в голос – по ним резануло светом будь здоров, будто на электросварку вблизи глянул, как ножом в каждый кольнули.

Следующее ощущение – холодно. Холод жуткий, казалось, будто заморожена каждая клеточка организма. Затем понимание, что одежда промокла насквозь. И как-то разом заболело все: тянуло каждую мышцу, ломило кости, выворачивало суставы. Еще голова тяжелая-тяжелая, в нее ударами сердца, будто многотонным копером вколачивали железобетонную сваю.

Бду-ум! Ду-ум! Бду-ум!

Ощущения незабываемые и настолько же болезненные. Может быть, и закричал или застонал, вот только пересохшая глотка и растрескавшиеся губы могли издать чуть слышное шипение. И набатом одно: живчик мне нужен, чертов живчик!

Только в этот момент пришло понимание окружающей реальности и осознание себя в ней. Вспомнил все, как тот Шварценеггер. И где нахожусь, и Цемент, и уготованную

мне судьбу, и его кончину, и другой мир – Стикс.

Осторожно-осторожно чуть приоткрыл глаза. Нет, все же свет слепил. И откуда его здесь столько? Помню ведь, что в подземной тюрьме узкие и небольшие окна, почти у самого потолка, заложенные лучшим стеклоблоком на свете – советским, который сам по себе плохой проводник солнечных лучей.

Чуть приподняв голову с пола, смог разглядеть, в какой стороне находился труп врага. У него точно должно быть топливо, необходимое каждому выжившему в Улье. Вот здесь и накрыла дикая радость – я жив! Я, мать вашу, живой! А значит, еще побарахтаемся!

Резко попытавшись встать, едва не потерял сознание, когда свалился обратно, очень больно приложившись макушкой о пол. И только минут через пять, напрягая все силы ослабленного организма и всю силу воли, чтобы вновь не распластаться на бетоне, мне удалось встать на четвереньки.

Время я не засекал, но не меньше получаса преодолевал расстояние в три-четыре метра до трупа Цемента. Со стороны, наверное, походил на дезориентированного жука, который не столько движется к цели, сколько крутится на месте. Вот и у меня так же. Судорожный рывок вперед, объятия с полом, потом запредельные усилия, чтобы подняться на четыре точки, и оказывается, что труп находится совсем в другой стороне. Снова паралитичные движения, опять лицом в бетон, и так до победного.

Стоит ли говорить, какое ощущение эйфории охватило, когда я добрался до Цемента, в которого вцепился, как пассажир «Титаника» в спасательный круг, и смог далеко не с первого раза вырвать из поясного подсумка литровую флягу? Потом, едва не выбив себе зубы металлическим горлышком, сделал первый огромный глоток. В тот миг будто в вену несколько кубов эфедрина вкололи. Орать от восторга хотелось, захлебываясь живчиком.

Невероятный напиток, божественный, не сравнимый ни с чем! Куда там той амброзии! Я просто ощущал, как с каждой выпитой каплей утихала ломота в костях, как переставала тянуть и перекручивать мышцы неведомая сила, как свет становился не режуще-ослепительным, а вполне нормальным, даже немного тусклым. Не меньше полфляги осушил, прежде чем удалось от нее оторваться.

Чуть закружилась голова – все же лекарство это с изрядной порцией алкоголя. А на пустой желудок та еще бомба. Сразу захотелось воды, пожрать и покурить! Напиться тоже удалось: во второй фляге была чистейшая ашдвао. Нет, действительно, для иммунных как ни назови, но живчик – это жизнь. Постепенно в теле рождалась легкость и возникала ясность мысли, отступал могильный холод, проморозивший меня насквозь, и начали включаться остальные рецепторы, а вместе с ними пришел и запах... Какой, к черту, запах?! Трупная вонь! Мерзкая, настолько тяжелая и мощная, что едва-едва сдержал рвотные позывы, немалую лепту вносила

и протухшая кровь.

Часы показывали десять.

Чуть заплетаясь в ногах от головокружения, в три шага преодолел до этого невероятное расстояние, поднял автомат. Передернул затвор, звякнул о бетонный пол остроносый патрон, озорно блеснув в тусклых лучах солнечного света. Поставил «АК-103» на предохранитель и, плюнув на все и всех, закурил, усевшись по-турецки и оперевшись спиной о шершавую стену. Никотин сейчас не дурманил, наоборот, помогал начать мыслить в конструктивном русле. А подумать было над чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.